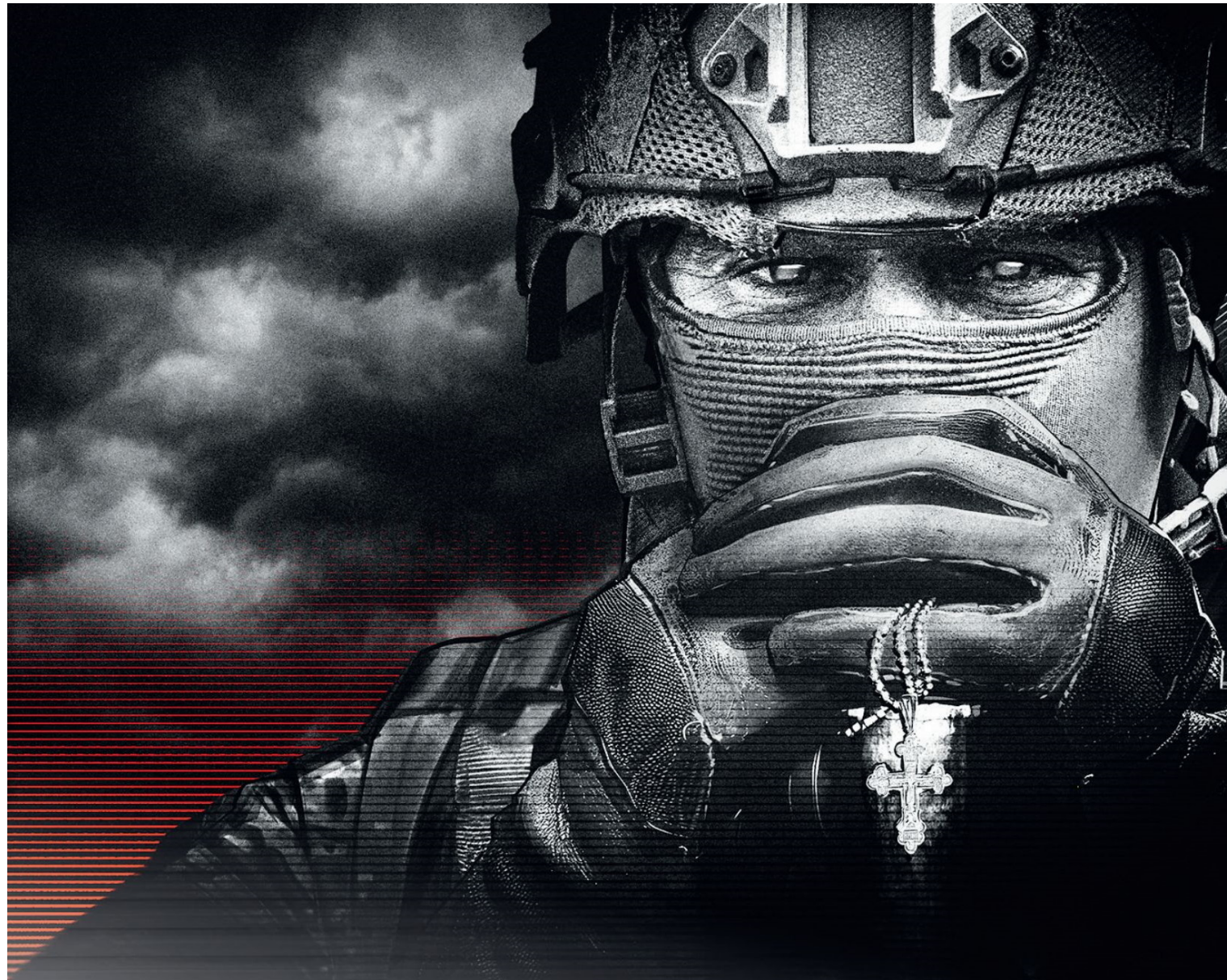

ОЛЕТ
РОЙ

ЖИТЬ. ЛЮБИТЬ. ВЕРИТЬ

Олег Рой

Жить. Любить. Верить

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2)6

Рой О. Ю.

Жить. Любить. Верить / О. Ю. Рой — «ВЕЧЕ», 2026

ISBN 978-5-4484-6344-0

В романе известного писателя Олега Роя, посвятившего событиям на Донбассе и Украине целый цикл произведений, представлена реальная история молодого человека по имени Виктор. Он по своим убеждениям добровольно отправился в зону СВО, где пережил тяжелейшие ранения. Чтобы не обременять своих близких, Виктор принял непростое решение – представляться чужим именем в надежде на то, что родные сочтут его погибшим. После продолжительной и тяжелой реабилитации герой возвращается на фронт в качестве оператора беспилотников. Любимая девушка не верит в его кончину и отправляется в зону боевых действий в надежде отыскать любимого... В романе рассказываются истории пацанов, которые пошли добровольцами на фронт и прославили себя подвигами, истории о настоящей и светлой любви, которой не страшны никакие преграды и которая способна победить смерть.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4484-6344-0

© Рой О. Ю., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	26
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Рой
Жить. Любить. Верить

© Рой О., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Пролог

Сто метров

Стометровку бегали на соседнем стадионе. Физрук договаривался. Чтобы все как у взрослых. Потому что стадион был не сказать чтоб огромный, но – стадион: беговые дорожки вокруг футбольного поля, прыжковая яма, легкоатлетические снаряды, а над всем этим – расходящиеся вверх и в стороны трибуны.

Поглядеть на своих приходили некоторые родители, чаще бабушки-дедушки, изредка – приятели. Но легко было представить, что болельщики – не полупустой нижний ряд, что ряды скамей заполнены азартной толпой доверху. Подбадривают, вскакивают, затаивают дыхание, готовые взорваться криками восторга, приветствуя победителя – а то, может, и рекордсмена. На синем, какое бывает только в мае, небе заблудились два крошечных белых облачка. Таких же сияющих, как новенькие кроссовки Вика.

Славич (имя у физрука было абсолютно непризносимое, отчество еще хуже, а вот странная комбинация из фамилии-имени-отчества прижилась) на обновку покосился (в глазах читалось: собьешь ноги – выводы сам сделаешь), но промолчал. Он вообще не высказывал своих недовольств словами. На первом уроке, когда велел всем отжиматься, чтобы «поглядеть, кто вы такие есть», и кто-то заканючил, что нормативы выдумывают ради издевательства – старик (им он тогда казался стариком) в застиранном спортивном костюме... упал. В последний момент выбросив вниз-вперед правую руку. Левый – пустой – рукав был заправлен за пояс. Отжался пару раз, повторил, сколько раз положено отжаться «для вашей возрастной группы», и велел приступать, уже не скопом, а по очереди. И отжимался параллельно с каждым – пока очередь не иссякла.

– Напоминаю: на «отлично» – тринадцать и восемь десятых секунды, на «хорошо»... – напомнил он теперь нормативы уже для стометровки. – Готовы? Абрамов первый, Бутину приготовиться.

Вик был в середине списка. Нет, он не боялся сбить ноги новыми кроссовками, наоборот! Он летел! Летел сквозь гулкую чашу стадиона, мимо восторженных толп на трибунах, через – через все! Как будто не утыкалась дорожка в привычную блекло-синюю фигуру с заправленным в карман рукавом, как будто прямо в небо она неслась!

– Тринадцать с половиной, – сообщил физрук и добавил: – Годится.

И головой покачал.

И качание это было круче всех аплодисментов, медалей и чего там еще за рекорды полагается.

Он смог!

* * *

«На горе, на горюшке стоит колоколенка, – напевал иногда Славич себе под нос, – а с нее по полюшку лупит пулемет...»

Опорник, что торчит на пути, над местностью возвышается не особо. Не колоколенка. Когда бьют сверху, всяко хуже. Кто владеет высотой, владеет округой. Да только на той колоколенке, про которую напевал когда-то физрук, сидел единственный фриц с пулеметом, а тут – целый холм, в котором засели тысячи три нациков. И холм не сам по себе, а рукотворный. Восемь лет эти с-с-сволочи тут с-с-строили свою долговременную фортификацию. И вот она, здоровенная бетонная лепешка, настоящая крепость, пронизанная ходами, набитая до предела защищенными огневыми точками – черта с два достанешь, а секторы пристрелянные и друг

друга перекрывают. Пулеметы, впрочем, тут тоже имеются, как без пулеметов: от древних, но до сих пор надежных «максимов» до крупнокалиберных ДШК, КПВТ и заокеанских М2НВ. И к ним – автоматические гранатометы АГС, обычные РПГ, издававшие виды безоткатки и ПТУРы со всего мира – каждой твари по паре, и добро бы по паре! И дроноводы – операторы беспилотников – сидят там по укрытиям, только птички их, омерзительно жужжащие, над головой выются: и разведывательные, и те, что тащат под брюхом всякое взрывчатое, выискивая, куда бы смертоносный груз скинуть. И угодит ли сброшенное тебе на голову или под ноги – ну, как повезет, разница не особенно велика. Черный ворон, что ты вьешься над моею головой?

Зуб дракона. Неведомо, кто так обозвал эту дурынду, но – прижилось. Какой-то мифологический персонаж заседал зубами дракона поле – и выросло из них смертоносное войско. Похоже. Только этот вот «зуб» не острый, а сплюснутый, кавернозный, а смертушку из себя выбрасывать еще хуже умеет. До мирных пригородов от этого опорника – рукой подать.

Не с бухты-барахты тут Зуб дракона вырастили, за ним прячутся системы ПВО и позиции арты – как раз по мирняку и долбят. Восемь лет долбили. И на весь мир рассказывали, что дончане сами себя обстреливают.

И не раздолбать эту мерзость, и танками не взломать – накроют из ПТУРа или той же артой, дроны-то наблюдательные не спят. Да и помощнее птички там имеются, танки ж тоже не вовсе неуязвимые. И не обойти эту дуру бетонную, плюющуюся смертью, не добраться до прикрытой опорником арты и ПВО. И укреплен этот чертов Зуб со всех сторон, а вокруг – ни овражка, ни пригорочка, ни балки. Ровненько все, и все просматривается и простреливается. Только брать в лоб. Тут до него всего сто метров.

Вышел в степь донецкую парень молодой... Вик, типичный горожанин, когда-то представлял себе степь чисто по-чеховски: ровный, как стол, до зевоты однообразный пейзаж. Донецкая же степь изрезана балками, усеяна терриконами, усыпана мелкими перелесками, чтоб как стол – это редко где. Но тут, между базовой позицией и проклятым опорником, – та самая столешница.

Позиция батальонной тактической группы – в лесополосе, точнее, в том, что от нее осталось. Перекоренный бурелом, ни единого целого дерева, мешанина из перерубленных снарядами, посеченных осколками и поваленных во все стороны стволов, скрученных узлами кустарников, жухлых зарослей неистребимой крапивы и репейника. Не лесополоса – засека, какие лет восемьсот назад ставили, защищаясь от всяких чингисидов. Против конницы – неплохо, против сегодняшнего оружия – так себе защита. Однако лучше, чем никакой.

Потому что дальше, вплоть до опорника, – пристрелянное и простреливаемое насквозь чистое поле. Сто метров открытой плоскости. Сто метров пустоты. Как ни вжимайся в комковатую высохшую землю, огибая выжженные проплешины, как ни пытайся спрятаться, будь ты хоть ниндзя, мастером скрадывания – для врага ты тут как на ладони.

На горе, на горушке стоит колоколенка, а с нее по полюшку лупит пулемет, и лежит на полюшке сапогами к солнышку с растакрой-то матерью наш геройский взвод...

Как когда-то, как деды-прадеды, как в Отечественную, как в Первую мировую, как...

Из остатков лесополосы сто метров пустоты видны тоже насквозь. Бойцы, готовясь к штурму, вглядываются, мысленно отмечая борозды и рытвины – какие-никакие, а укрытия. Вик же вдруг совсем некстати вспоминает: по-английски говорят «do or die» – «сделай или умри», по-русски – «умри, но сделай». Получается, что для нас даже смерть – не отмена приказа. Умри, но сделай. Умереть-то, в сущности, очень просто: приподними голову чуть выше – и все, и страхи все кончатся, и ползти никуда не надо будет, и... Да только они здесь не для того, чтобы умереть, – для того, чтобы взять этот чертов Зуб дракона. Умереть ради этого придется многим, все просто, чего тут не понять, но, может, пуля, что попадет в тебя, не дотянется до соседа Саньки с позывным Портос – и он доберется до проклятого этого пулеметчика! Или наоборот.

* * *

03:30–06:00, начало

Война не знает перерывов. Войне без разницы, ночь или день, она работает круглосуточно, двадцать четыре на семь, на тридцать, на триста – на сколько придется. Сменяются только люди. А случается, и они работают в том же режиме, по несколько суток кряду довольствуясь лишь кратчайшими обрывками сна, когда десять минут – уже роскошь, когда человек действует почти что на одном адреналине.

И все же ночь – время особое. Несмотря на тепловизоры и прочие системы наблюдения, которым темнота не помеха, ночь все еще может скрыть бойца от глаз противника. Совсем невидимым она тебя не сделает, но менее заметным – да. И то хлеб.

Батальонные группы выдвигаются ночью – ползком, по-пластунски, по жесткой стерне скошенного обстрелами бурьяна, влажного от росы, хотя рассвет еще не близко. Вжимаясь в землю, осторожно ощупывая все перед собой – мало ли что может подстергать на пустом, казалось бы, пространстве. Может, мина, может, колючка, может, торчащее лезвие осколка.

Сантиметр за сантиметром. Сто метров. Тысяча дециметров. Десять тысяч сантиметров. Каждый преодоленный метр – маленькая победа. Удача, сократившая проклятую стометровку на один процент. Но война не знает перерывов. И никакая удача не длится достаточно долго.

Вот луч прожектора – может, направленный одним из обладателей тепловизора, может, случайный – натывается на одного из тех, кто, укрываясь тьмой, одолевает проклятые метры. Боец спешит отпрянуть, но – поздно. Опорник оживает.

Бой – всегда хаос. Ночной – вдвое, втрое, вдесятеро. Враг ведет огонь почти наугад, наши бойцы не отвечают: в неприцельной стрельбе нет смысла, боеприпаса на себе много не утащишь, сэкономишь сейчас – пригодится потом, когда начнется штурм. Правда, там тоже можно будет разжиться: у врага боекомплект, в основном, тот же, что у нас.

Где-то рвутся ВОГи, взлетают и гаснут сигнальные ракеты, порой раздается слабый вскрик (ранили? убили?), тут же тонущий в какофонии перестрелки.

Оживает и арта противника, над полем висят, медленно спускаясь на парашютах, осветительные снаряды. Ползущие бойцы то замирают, то, примерившись, стремительно перемещаются от света к тени. Кому-то удастся, кто-то падает, сраженный пулей или осколками. Пушки нациков бьют вяло, экономят снаряды – будь тех вдоволь, перепалили бы все предположь, каждый квадратный сантиметр, на полметра вглубь. Боекомплект расходуется в разы, а то и на порядок быстрее, чем подвозится. И даже при самом щедром снабжении экономить приходится. Но вяло – это вовсе не затишье, стрельба не утихает ни на миг, бухают разрывы, летят осколки...

...Физрук, чуть морщась, тихонько подпевает старенькому плееру, что лежит на полке в подсобке спортзала. И поглаживает пустой свой рукав, и опять морщится. Будто хочет заплакать. Нет, не может быть, показалось...

...пули, как воробушки, плещутся в пыли – Митрия Горохова да сержанта Мохова эти вот воробушки взяли да нашли...

* * *

06:00–07:45, солнце за левым плечом

Темнота постепенно сереет, рассеивается, каждый комок и травинка перед глазами выступают все четче, сзади и справа, на востоке, разгорается полоса – сперва узкая, багровая, она ширится, разрастается, в ней все меньше багрянца и все больше золота.

Точно как тогда, когда они с Ольгой, пробродив всю ночь, стояли обнявшись над Яузой, замороженные светлеющей темнотой, побелевшим, потом заалевшим горизонтом, потом разгорающимся в небе пламенем. Восход прекрасен всегда. И тогда был, и сейчас. Если чуть повернуть голову и скосить глаза, его даже увидеть можно. Только сейчас любоваться им некому. Не до него. Надо выжить. Надо преодолеть эти чертовы метры – сколько их там еще из сотни осталось? Половина или уже меньше? Но каждый следующий метр – тяжелее и опаснее: в рассветных сумерках движение заметить легче.

Он ползет, втискивая локти в колючую землю, подтягиваясь – и тут же замирая, застывая, превращая себя в часть этой земли: помощи, родная! Недалеко ведь осталось: цель вырисовывается впереди смутной темной массой, если не знать, то и не поймешь, что это, лишь мелькающие там и сям на поверхности громады вспышки выстрелов говорят: вот он, опорник. Торчит, как больной зуб. Больной зуб больного дракона. Ничего, дракоша, и тебя вылечат... Чтoб и думать забыл, как людей жрать...

Сколько осталось от стометровки?

Сколько стометровок отсюда до... до Яузы?

Справа кто-то почти неразличимый, на мгновение привстав на колено, выпускает из «Шмеля» гранату. И тут же откатывается в сторону. Зацепили? Нет, вжался в борозду – здесь ведь когда-то было поле.

Когда-то. Когда-то Вик видел такой же тубус у своего друга Димыча – вот точно пусковой контейнер «Шмеля», только поменьше. В тубусе Димыч таскал чертежи к дипломной работе в техникуме. Отличная была тема: топология расстановки вышек связи в складчатой местности. Опорник – не этот, а тот, что штурмовали недавно, – стоял на срезанном с одной стороны холме, а сбоку изгибался овражек, неглубокий, но по нему можно было, сделав небольшой крюк, зайти опорнику в бок. Складчатая местность, как она есть. Вот только здесь и сейчас, вот этот вот кусок ее разглажен так, что и борозда когдатошнего поля – укрытие. И это затрудняет задачу неимоверно. И отдаляет то время, когда на этих холмах и терриконах поднимутся совсем мирные вышки совсем мирной связи.

Четыре часа. Вон ту черную скрученную железяку он видел из лесополосы. Теперь она почти за спиной. Значит, половина пройдена. Того, кто справа палил из «Шмеля», не видно. Отстал? Или остался там, позади? И кто еще? Тьмы все меньше, видимость все лучше, опасность все выше. Но думать об этом нельзя. Есть только упрямое движение вперед. Толкнулся локтями... подтянулся... застыл... толкнулся... подтянулся... застыл. Совсем краем глаза зацепил справа такое же движение... Еще полметра. Пятьдесят сантиметров, даже простой шаг длиннее – а поди преодолей этот пустык. Слева – короткий вскрик. Нет, не убит, ранен, откатился в такую же разглаженную ветрами и дождями борозду. Если чуть зацепило – справится, если посильнее – почти приговор: санитарам сюда не добраться. Разве что потом, когда проклятый опорник будет наконец взят.

Наши лупят из минометов по его переднему краю. Давайте, ребята, давайте, родные, нам туда прорываться, пусть хоть немного, но легче будет.

Еще полчаса. Еще час. Шестьдесят пять метров. Семьдесят. Вон та полукруглая кривая дура, что блестит поодаль, – уже совсем светло – ее тоже видно было с позиции, это уже совсем рядом. Семьдесят пять метров. Или даже семьдесят шесть. Вот только свет уже совсем дневной, и встречный огонь усиливается. Плюется огнем опорник, из-за него лупит невидимая и пока недостижимая для наших арт. Земля пахнет железом и гарью. Воздух царапает горло, каждый вдох хрипит как последний. Пахнет... Много чем пахнет. Но ничем хорошим.

То и дело близкий разрыв швыряется комьями жесткой сухой земли с торчащими кусками стеблей, проволоки, черт знает чего еще. Неужели здесь когда-то опять будет расти хлеб? Вот здесь, на крови? Вик пока еще не ранен, но кровавый привкус во рту с каждым метром все отчетливее. И еще кислый, и... мерзость, в общем. Зато впереди уже отчетливо видны земля-

ные пятна на грязно-сером бетоне. И темные жерла амбразур, из которых плюются смертью пулеметы. Арта лупит, не останавливаясь, осколки бьют по плечам и спине – но пока только на излете. Где-то глубоко в экипировке таится ладанка, он чувствует ее кожей – она ли бережет? Ангел-хранитель, спаси и сохрани, мне еще дело сделать надо! Делай, ободряет ангел-хранитель прямо внутри головы.

Это, конечно, гул канонады, от которого звенит уже не только в ушах, но и там, в черепе, но ведь должен же быть ангел-хранитель? Потому что дроны, чертовы дроны жужжат, и головы не поднять, чтобы разглядеть, где они, – да и что толку, даже если разглядишь?

Желто-коричневый горб опорника плюется смертью и растет, растет, растет...

Восемьдесят метров. Восемьдесят семь...

В переходе на «Арбатской» у щуплой белобрысой девчонки с гитарой – голосок слабенький, но пела душевно – в ухе болталась странная серьга из сплетенных восьмерки и семерки. Почему восемьдесят семь? Спросить он тогда постеснялся, но обрадовался ужасно: из его окна были видны гаражи, и на одном тоже значилось «87», почему-то решил, что это очень хорошая примета. Что ж, может, и так. Хорошая примета сейчас не помешала бы.

Вот наша арта сменила тональность – сместили точку прицела? Ну...

* * *

07:45–09:14, *шторм*

Размочаленный обстрелами бруствер вражеского окопа возникает внезапно. Внизу пусто – наша арта обрабатывала вражеский передок все то время, что Вик полз свою стометровку. Нет, не только он, все, но сколько добрались до цели? Не он же один! Ведь добраться – это даже не полдела!

Скатываясь в окоп, он чувствует удар по спине – от плеча к пояснице – наверное, пуля срикошетила: осколок прошел бы в обратном направлении или наперерез. Рефлекторно он замирает на дне окопа, потом вскакивает, не распрямляясь – окоп совсем неглубокий, даже не полупрофиль.

Слева взрыв, потом справа: бойцы атакуют через амбразуры огневые точки врага – РПГ или просто ручными гранатами. Окоп заполняется людьми – своими, чужими, где кто – не сразу поймешь. Это не кино про войну, где все движения отточены и выверены, здесь удары не всегда достигают цели, и даже выстрел в упор ничего не гарантирует.

Свет дня на миг сменяется тенью – перекрытие или щель, от нее ход к огневой точке. Там бой. Кто-то, успев раньше, швыряет вглубь блиндажа гранату, взрыв на миг ослепляет, а звук не слышен. Звуки стали какими-то глухими, словно мир вокруг сорвал голос...

Выстрел – впереди темная фигура в чужом камуфляже оседает, схватившись за живот, роняя старый, еще советский АКМ. Обрывок матерной фразы, несколько очень близких выстрелов... Тупой удар в плечо, но боли нет. Ангел-хранитель пока бережет, но на сколько у него еще хватит сил?

Даже ангелы, наверное, устают...

Рядом кто-то из своих, раненый, а впереди – еще стрелковая позиция. Вик выпускает очередь по мечущимся в глубине теньям и хочет уже метнуться вперед, но взрыв отшвыривает его назад, и на какой-то миг он теряет сознание...

Открыть глаза, подняться, сплунуть грязь пополам со слюной и с небольшой примесью крови – возможно, он все-таки ранен, но боли нет. Контузия? К черту, не до того. На все уходят буквально доли секунды...

Впереди – развороченная взрывом стрелковая ячейка, искореженная арматура, расколотые в щепу доски, щебенка – и на всем кровь, грязь, копоть. Впереди фигура с белой повязкой

на рукаве, призывно машет рукой. За гулом канонады не слышно слов, но и без слов ясно: опорник взят.

* * *

09:15–11:00, взял – держи

Деда Вик почти не помнил. Может, тот был пограничником, а может, скучным бухгалтером. В бабушкиной шкатулке лежала медаль «Дети войны». Маленький Вик придумывал, что дед был сыном полка, а иногда – что разведчиком в партизанском отряде. Потом понял, что глупость, в той же шкатулке лежали удостоверение труженика тыла и еще какие-то медали и значки, вроде бы почетные. Почему он тогда не спрашивал? А теперь и спросить-то не у кого... Нет! Шкатулка-то целая, и медали, и документы, и удостоверения. Легче всего расстроено вздыхать «теперь и спросить не у кого». А это – неправильно. Если вернется, обязательно надо все разузнать, что ему, впервой архивный поиск проводить?

Нет, не если – когда вернется.

Он взглянул на часы. Из той же шкатулки, тоже дедовские. Не какие-нибудь там наградные, обычная «Победа», но совершенно неубиваемая, он их взял, потому что говорили, что электроника за ленточкой долго не живет: РЭБ и прочие такие штуки. Да и нельзя тут гаджетами пользоваться, будь то смартфон или умные часы, их сигналы запросто засечь – и готов прицел для арты или дрона.

Вот игодились часы-то. Бабушка рада была бы. Так печально она тогда попросила: «Пожалуйста!» Не про часы – про ладанку. Часы только в руке подержала, взглянула на Вика – и убрала опять в шкатулку. Ладанку он и не снимал – стыдно было. А про часы вспомнил, только когда... собирался. У них и стрелки светятся. То есть в темноте, сейчас-то, считай, день начался.

Девять пятнадцать. Странное время. Вроде и утро, а вроде уже и день. В гимназии как раз в девять пятнадцать заканчивался первый урок. И предстоял еще длинный-предлинный учебный день. Вот как сегодня. Первый урок закончился, а дальше?

Известно, что дальше. Мало взять опорник – его еще удержать надо. Командиры сейчас распределяют силы по направлениям и опасным местам. Опасных мест много, это с нашей стороны опорник укрепляли, как не в себя, ну справа-слева еще, а с тыла он почти голый, с той стороны – позиции укровских ПВО, арты и все такое, так что крепость эта не для круговой обороны строилась.

В общем, ничего особенно мудреного: надо держаться, пока в пробитую брешь пойдут основные наши силы. Бойцов не хватает, но об этом лучше не думать, надо – значит надо, иначе зачем брали-то? Оборонительных укреплений с тыла не предусмотрено, но превратить в стрелковые ячейки, в заслоны, в заграждения много чего можно: разбитые блиндажи, воронки, ходы сообщения, да просто складки местности. Это та стометровка – ровная, как стол, а тут ничего, есть где зацепиться. И довооружиться. Вон кто-то трофейный «максим» подтаскивает, разворачивая и устанавливая поудобнее, кто-то надыбал боезапас – тоже пригодится. В нас этим стреляли – теперь получите и распишитесь.

Сейчас начнется.

* * *

11:00–13:55, контратака

Начинается все, конечно, с артподготовки. Это так обыденно, почти как «мойте руки перед едой», это можно было бы даже назвать скучным, если бы не было таким страшным. Конечно, страшно, а вы думали? Бесстрашны берсерки после мухоморов или, с поправкой

на современность, под соответствующими веществами. Бесстрашны психи – да и то не все. Инстинкт выживания – один из сильнейших, а может, и самый сильный. Гормон атаки – адреналин – властно командует: дерись или беги! Драться пока не с кем, бежать, строго говоря, некуда. Да и, кроме адреналинового выброса, кроме инстинктов, у человека есть разум. И память.

Да, память – зачем ты здесь, в импровизированной огневой точке, с «чужими» гранатами, с найденным под телами убитых нациков РПГ, с набранными так же патронами – все разложено так, чтобы рядом, чтобы не отвлекаться на поиски.

Это сию минуту пока драться не с кем. Арта – та арта, не наша – бьет оттуда, куда тебе не достать. И бьет пока еще вполсилы. Слышны стопятки и стодвадцатидвухмиллиметровые гаубицы, ну и минометы. А вполсилы – это значит, канонада еще не сливается в сплошной гул. Прилететь и сейчас может в любую секунду.

Это как дождь: может стеной лить, может быть просто сильный – так и так промокнешь. И даже узенький козырек над магазинным окошком выглядит привлекательным укрытием.

Вот только артобстрел – не дождь. Вот в метро от него укрыться можно было бы. Но метро – в Москве, а здесь – так, локальные углы и складки. Ты не можешь ответить арте, ты можешь только, приготовив боезапас, вжаться в эти складки, в эти морщины седой донецкой земли. Отогнать животную панику, потому что паника через минуту (или через десять) помешает, застит глаза, заставит руки дрожать, собьет прицел. А тебе надо выжить. Дождаться, когда попрут в контратаку. Которую надо остановить. Если тебя сейчас убьют, для тебя все закончится, но тем, кто еще жив, придется драться еще более ожесточенно. Если убьют того, кто справа или слева, его порция противостояния достанется тебе. Если не устоишь ты, твою долю придется взять на себя тем, кто справа и слева.

И вот канонада стихает. Значит – что? Значит, как в том мультике – мы принимаем бой. Вот уже почти сейчас. Но и минутную передышку можно (и нужно!) использовать: кто-то наспех накладывает повязку – осколком посекло, кто-то подносит к пересохшим губам флягу, кто-то колет товарищу обезбол – даже понимая, что тратит аптечку, по сути, напрасно, друг вот-вот умрет. И все же. Кто-то неловко заправляет непривычно большую ленту в трофейный пулемет. Кто-то щелкает колесиком зажигалки – хоть пару затяжек сделать, а про «курение – вред» мы подумаем после, там, в мирной жизни...

Едва смолкшая канонада сменяется таким привычным, таким отвратительным жужжанием дронов-разведчиков. Взмах руки командира – группа сводная, но всем все понятно: внимание!

Еще не совсем осела пыль, поднятая артподготовкой, еще клубятся ее желто-серые облака – словно туман. И в этом «тумане» появляются темные пятна. Сперва размытые, нечеткие, они проявляются, как изображение на фотобумаге, принимая знакомые очертания БТРов – шестидесяток и их потомства. Другие незнакомы, ну да, западную технику мы еще не научились влет опознавать. Со всеми их тевтонскими крестами, желто-синими плашками и вольфсангелями на броне. Нет, их отсюда не разглядеть, но они там есть.

Время будто двоятся. То, что было давней историей, повторяется почти точь-в-точь. Восемьдесят с лишним лет назад деда и прадеды тех, кто сейчас сжимает тубус «Шмеля» (таких тогда не было) или ручки трофейного «максима», те, давние, так же прижимались к теплой груди той же земли, шурясь, вглядывались, как из клубов пыли выдвигаются танки с теми же тевтонскими крестами...

И так же были готовы хоть умереть, но исполнить то, что должно исполнить. Остановить надвигающуюся чуму.

Им ведь так же было что терять, Иванам и Тимурам, Владленам и Кимам, Рустемам и Павлам, родившимся в самую жестокую, самую безжалостную эпоху – с восьмидесятых девятнадцатого века по двадцатые двадцатого. Они ведь тоже пришли сюда – кто из-за парты, кто

из цеха, кто с фермы, кто и с профессорской кафедры... их тоже ждали дома родители, жены, дети...

Вставай, страна огромная, вставай – на смертный бой!

Им так же хотелось жить. Любить. Верить. Встречать рассветы над Яузой, Невой, Волгой, Днепром, Иртышом, Амуром... выдумывать двигатель, который долетит до звезд... печь хлеб... выводить новый сорт морозостойких груш... читать лекции... играть с детьми... Им было что терять.

Как и тем, кто смотрел сейчас на те же тевтонские кресты, на выползающие из желто-серой пыли БТРы с вяло болтающимися желто-синими тряпками. Деды и прадеды вставали сейчас за плечами внуков и правнуков, поддерживая, направляя, напутствуя: держитесь, только держитесь! И они, сегодняшние, готовы были так же держаться, так же стоять насмерть – потому что у каждого там, за тысячи и миллионы стометровок отсюда, были те, к кому так хотелось вернуться. Потому что если не встать насмерть, и возвращаться будет некуда. И не к кому.

Если дорог тебе твой дом...

Пусть ярость благородная вскипает, как волна...

...огонь открыли одновременно: и мы, и... те, в клубах желто-серой пыли. Рокот автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов, стрекотание пулеметных и автоматных очередей, тянущий вой гранатометов, разрывы, вскрики – в этой какофонии, казалось бы, сплошной, выделялся каждый звук. И вскоре к ним присоединились крики, мат, глухие удары – противник достиг опорника...

* * *

13:55–16:05, бешенство побежденных

Контратака превратила поле у опорника в пейзаж почти лунный. Только черные от нагара тушки БТР, на которых уже за копотью не разглядеть было ни вольфсангелей, ни тевтонских крестов, напоминали, что это все же – Земля. Планета, мать вашу, людей. Между мертвыми машинами в пожухлой, обгоревшей траве тут и там виднелись тела тех, кого бросили сюда, чтобы отобрать у русских только что взятый опорник.

Не вышло.

«Чертовы русские» точно клещами вцепились в Зуб дракона, уже не прикрывающий позиции арты и ПВО. И готовы были держать любой ценой, пока в образовавшуюся брешь не ударят более мощные основные силы.

Командир роты, капитан запаса, пришедший добровольцем во время мобилизации, оказался рядом в остатках траншеи сообщения – после двух последовательных обстрелов от траншеи мало что оставалось, однако ж какое-никакое, а укрытие.

Капитан спросил огня, и Вик нашарил в кармане биковскую зажигалку, сам не знал, зачем таскал, ведь не курил же, но всякое бывает. Вот и пригодилась. Портсигар у капитана был потертый, побитый, заслуженный, сигареты в нем – крымские. Он затянулся – сперва быстро, раз, другой, потом медленно, с наслаждением. Чуть прикрыв глаза, выдохнул сизый дым, чуть скривился – не то поморщился, не то усмехнулся:

– Сейчас будет пекло. Мы им хвост накрутили знатно, – эту порцию дыма капитан выпустил из ноздрей, словно дракон. – Они нам этого не спустят.

– Почему? – Вик и не думал сомневаться в словах командира, спросил, чтобы только не молчать.

Молчание тяготило, почти пугало. Неизвестно, сможешь ли когда-нибудь еще перекинуться хоть с кем-то хоть парой слов. Сколько раз уже было – вот ты сидишь с кем-то в окопе,

перебрасываешься пустяковыми фразами, а уже через пять минут он падает рядом, не успев даже вскрикнуть, только хрипит и... и все...

– Нешто я укропа не знаю? – капитан дернул краем рта. – Мстительные твари... Да и нужен им этот опорник, реально нужен.

И снова знакомый стрекот-клекот с небес, многоголосый, более громкий, чем раньше...

– Раз, два, три... – считает капитан, едва заметно бледнея. На пятнадцатом сбивается, мотнув головой, словно хочет отбросить, отогнать это назойливое жужжание. – Это если каждый дрон, почитай, батарея, со скольких стволов они по нам работать будут?

Ответа на этот вопрос они так и не узнают – через миг сверху обрушится огненный ливень, и этот будет куда мощнее и страшнее первого. Они не узнают, что противник нацелит на опорник все, что будет у него под рукой...

Д–20, Д–30, «Мста-Б», «Мста-С», «Акация», «Гиацинт»; чешские «Дана» и «Зузана», немецкие Pz2000, французские «цезари», американские M109 и M777 – целый арсенал, который наскребли со всей Европы и даже из-за океана. Кроме пушек и гаубиц, по опорнику ударят и РСЗО – «Град», «Ольха», «Ураган», немецкие «ларсы» и «марсы», французские LRU и даже те самые хваленые «хаймарсы»...

Вся нечистая сила, вся омерзительная мощь, весь человеконенавистнический потенциал на долгие сто двадцать минут обрушит свое смертоносное, остервенелое бешенство на собственный опорник, удерживаемый несколькими десятками израненных, изможденных, измученных героев.

* * *

16:05–22:20, вызываю огонь на себя

И вновь тишина – оглушающая тишина после артобстрела. Перевернувшись на бок, скривился: ногу стрельнуло болью – видать, задело все-таки, а он даже не понял, когда именно. Отряхнул сухую землю (присыпало изрядно), приподнял голову, огляделся...

Справа, слева – ни единого движения. Рядом лежит капитан – на боку, лицо такое спокойное, такое живое, только вся спина – сплошное кровавое месиво. Тяжелый осколок прошел.

Чуть приподнявшись, вновь осмотрелся. Нет ни движения, ни звука – лишь стрекот дронов в небе да жар от клонящегося к горизонту солнца.

Неужели больше никого?

Отгоняя эту мысль, сжал бабушкину ладанку.

Вгляделся вперед – там из не успевающих осесть желто-серых клубов мимо обгоревших тушек БТР, так и не добравшихся до опорника, выдвигались тяжелые темные силуэты.

Танки.

Мстительность? Нет, чертов опорник им в самом деле нужен, нужен до скрежета зубового. Критическая точка. Танки они обычно берегли, держали в резерве – то ли на случай нашего прорыва, то ли наоборот, но сейчас мобильный резерв бросили в атаку.

В атаку на... черт его знает, выжил ли еще кто-то, или Вик тут один, как тот последний защитник Брестской крепости. Он даже усмехнулся этой мысли, усмехнулся горько, но почти радостно: его дела обстояли куда лучше, чем в Брестской крепости. То есть ему лично вряд ли светит что-то обнадеживающее, у ангела-хранителя тоже силы не бесконечны, но наши-то тут, на подходе!

Дюжина танков – массивных, приземистых, приближались молча – после канонады гул моторов можно было считать тишиной. За танками стелились еще тени...

Бережно перевернув командира на израненную спину, он отстегнул рацию и ткнул в кнопку...

– Утес вызывает Пеликана, – донеслось хриплое. – Пеликан, вы живы? Доложите...

Он назвал имя, позывной, свою часть, вдохнул и продолжил ровно:

– Пеликан убит, других живых вокруг не вижу, к позиции движутся танки противника. Не менее десяти, в сопровождении штурмовой пехоты, расстояние не более ста метров...

Сто метров. Черт побери, опять эти сто метров. Сколько понадобится танкам, чтобы их преодолеть? Те же тринадцать с половиной секунд, что ему когда-то? Минута?

Он еще раз огляделся, словно пытаясь запомнить мельчайшие детали, и закончил рапорт:

– Зафиксируйте мои координаты и открывайте огонь.

Он не стал добавлять «вызываю огонь на себя». И говорить, что опорник должен остаться за нами, тоже не стал: парню на том конце радиоволны вряд ли требуются разъяснения.

После секундной, не больше, паузы тот ответил:

– Вас понял.

Все было правильно, но умирать от выстрела своих, пусть даже иначе никак, было не то чтобы обидно, но... Но.

Отшвырнув переговорник, он поднялся во весь рост. Нога горела болью и слушалась плохо. Но он поднялся. Всю степь перед его взглядом заливало желтым, золотым, оранжевым – солнце клонилось к закату. Где-то высоко стрекотали вражеские дроны – не так много, как перед недавним обстрелом, но точно не один. Он знал, что его видят. Ничего, пусть еще и слышат!

– Рота! По моей команде... из всех видов оружия... ОГО-О-ОНЬ!

И затрещали пулеметы – и даже, кажется, не только пулеметы – значит, он не один остался? Или это по нему палят? Но...

Обожгло бок, бедро, колено...

Падая, он видел белесо-голубое, еще совсем не закатное небо – и даже обрадовался на долю секунды, что не видит чертовых танков, которые уже совсем рядом: сейчас ударит наша арта...

* * *

22:20–03:30, се человек...

Очнулся он от стука собственных зубов. Холодно! Как же холодно!

И лишь в следующую секунду ощутил боль. И удивился: как можно было ее не чувствовать?!

Боль была везде: в руках, в ногах, в теле, особенно с одного бока – может, потому что он на этом боку лежал? И она была – разная: маленькие злобные чудовища старательно трудились над израненным телом: втыкали в него крючки и лезвия, цепляли крохотными, очень острыми клещами, резали, тянули, выкручивали. Левая нога была словно одним гигантским большим зубом...

Кое-как, крючась и дергаясь, удалось перевернуться на живот. Попытался приподняться – бесполезно. Ног как будто не было. Но если болят, значит, они есть? Скосил глаза и ничего не понял: темнота стояла густая, только кое-где мелькали невнятные и непонятные огоньки, блики, проблески. Не то мерещились, не то где-то стреляли.

Где-то довольно далеко. Если эта стенка траншеи, почти вовсе обвалившаяся сейчас, – та, над которой он восставал со своим криком «Огонь!», значит, канонада там, откуда шли танки. И это значит, наши уже прокатились через опорник, отбросили тех, кто пытался его отвоевать, смели их и движутся дальше...

В голове звенело, думать было трудно. И еще – очень хотелось пить. Смертельно хотелось.

Но жажда – это что-то из жизни! Мертвые точно от нее не страдают. Он ведь должен был превратиться в пыль. А превратился в боль. И раз болит – значит, еще живой. Ноги... черт их знает, не разглядишь. А зажигалку он отдал капитану. Его тело – и не только его – да еще

обвалившийся этот край траншеи (да и упал он через долю секунды после того крика) стали прикрытием, щитом, потому и не разнесло его на кусочки.

Пить...

Проклятье. Жажда – значит, живой. Но и крови, значит, потерял изрядно...

Говорят, от кровопотери смерть легкая... скоро, наверное, и болеть перестанет...

Но обидно. Вот сейчас умирать – обидно. Они же прошли эту проклятую стометровку. И опорник взяли. И удержали его, и наши сейчас там... как это называется?.. развивают успех.

Левую руку, как и ноги, нестерпимо жгло и дергало. Она была на месте, но толку-то? Наверное, нервы какие-то перебило: плетть плетью, только болит. И не понять, чего там показывают бледные зеленоватые блики стрелок. Надо было, как летчики, на правую надевать.

Правую тоже жгло, но терпимо. И она, да, слушалась, действовала. Ну хоть что-то в этом размочаленном огрызке действует. Вместо того чтобы подтащить к себе левую (в самом деле, зачем ему сейчас знать время?), он сунул руку за пазуху, нашаривая ладанку...

Не веря себе, ощупал шею – шнурка тоже не было. Такой крепкий был, хоть танк на нем подвешивай, не порвется. Разве что перерезать... Черт знает, как его тут швыряло, чем и в какой момент зацепило, выдергивая из-за ворота, шнурок, каким осколком по нему полоснуло, и куда отлетела ладанка...

Потерял.

Вот и все.

Значит, умру.

Мысль почему-то не ужаснула. Что ж, умру так умру. Задачу выполнили. Жалко, конечно, но что ж, двум смертям не бывать, а он сегодня от скольких ушел?

Вот еще бы умереть у своих.

До них ведь не так и далеко. Всего сто метров. И стометровка та сейчас не простреливается, не надо вжиматься, пытаюсь спрятаться за мельчайшей неровностью. Всего сто метров. Болит везде – до звезд в глазах, но лежать тут – еще хуже.

Надо ползти. Туда, к своим...

Иногда он терял сознание. Приходил в себя. Холодно. Больно. Цеплялся правой рукой, которая и болела почти терпимо, и, главное, слушалась – подтягивался. Физрук тогда отжимался на одной руке – долго, пока не отработал весь класс. Даже одна рука – это уже много.

Сутки назад он мерил эту дистанцию метрами – ну более-менее метрами, сейчас – сантиметрами. И каждый рывок – крошечный, на большее не было сил – отзывался всплеском боли. Стометровка удлинилась раз в сто. Пересохшее горло проталкивало каждый вздох с надсадным хрипом, от прокушенной губы во рту было солоно.

И снова он проваливался в еще более глухую темноту, где не было боли, где вообще ничего не было. И снова приходил в себя. На третий, кажется, раз, очнувшись, испугался почти до паники: единственная рабочая рука тоже отказалась цепляться и подтягиваться.

Не доползу.

Подтянул ее к лицу – получилось. Пошевелил пальцами. Сжал кулак. Закрыв глаза, повторил те же движения – и почувствовал и пальцы, и кулак, и все остальное. Не боль в них, а саму руку...

Просто, отключившись, видать, навалился на единственное свое средство передвижения и пережал какие-то нервы или сосуды. Бывает. Без всяких ранений бывает. Сейчас пройдет, сейчас будут иголки...

Иголки появились быстро: обильные, колющие, болющие – такие молодцы.

В следующий раз его испугала мысль о лесополосе, куда он так стремился: что там ждет? Точнее, кто? Или – никого? Если наши ушли далеко вперед и на старой позиции – пусто? Или – нет, об этом и думать нельзя! – мы откатились назад, и в лесопосадке... Нет. Не может быть. Канонада гудела где-то за спиной, значит...

Шесть раз он терял сознание или семь?

Сбивался со счета, в глазах то темнело, то вспыхивали слепящие искры – словно фейерверки кто-то пускал, в ушах звенело, хрипело и шуршало. И как будто кто-то рядом переговаривался. И темнота наваливалась неудержимо.

– Говорю же, показалось тебе! – услышал он, опять вернувшись в темноту, но не ту, где не было ничего, а в обычную, с колючей землей, колючими звездами наверху и колючей болью везде. Голос, казалось, прозвучал совсем рядом. – Нет здесь никого. Да и темнотища. Вот развидняет уже...

Он попытался хотя бы застонать, чтобы подать знак: я здесь! Но даже стоны не получилось, только шипение какое-то.

– Разговорчики, товарищ Петров, – добродушно, но вполне по-командирски ответил второй голос. – Если кто и ухитрился выжить в этом пекле, до «развидняет» может и не дожить. Так что ищем. А по свету еще пройдем. Мертвых тоже надо хоронить.

– Господи, сколько же их тут легло?

– Да почитай все, кто шел к опорнику этому проклятому. А нациков, заметь, они угандошили втрое больше. Это по предварительным подсчетам. Может, и вчетверо. Так что, даже если все полегли... – второй не договорил.

Вик протолкнул через высохшее, как будто жестяное горло столько воздуха, сколько сумел, затянул внутрь, задержал там на мгновение и вытолкнул, попытавшись превратить этот воздух в звук – ну хотя бы в мычание, в стон!

Получилось хриплое, почти нечеловеческое:

– Н...не... в...вс...е...

И вдруг понял, что едва различимые бледно-зеленые черточки на левом запястье показывают половину четвертого. Сутки прошли. Вечность промелькнула.

Меркнувшее – опять! – сознание выплонуло неуместную мысль: сто метров в одну сторону, сто в другую.

Мысль эта отозвалась внутри головы опять искрами, вспышками, огненными фонтанами – очень красивыми, совсем не пугающими. Фейерверки... Это просто фейерверки. Праздник... Радостные возгласы, смех, веселые голоса... И темнота совсем не темная... Озаряющие ее вспышки складываются в знаки... что-то в них очень важное... главное – понять их, вспомнить... но они рассеиваются, тускнеют, поддаются тьме...

А потом все угасло – и фейерверки, и голоса, и сознание... все осталось там, позади...

Глава 1

Гроза на горизонте

– Ген, прекрати!

Он поерзал ладонями по стене, словно покрепче запирая кольцо рук, в котором оказалась Ольга, ухмыльнулся:

– А то что? – голос звучал насмешливо и как будто снисходительно. – На помощь позовешь? Ну давай, начинай кричать: «Помогите, насилуют!» Или драться станешь? – он демонстративно подставил щеку.

Не стала, конечно. В какой-нибудь мелодраме ей полагалось бы сейчас вдохнуть исходящие от слишком близкого агрессора ароматы – и задохнуться от отвращения, и, почуяв оттого прилив сил, таки съездить по наглой физиономии. Физиономия у Генки была даже и не наглая, просто самоуверен он сверх меры. И пахло от него нормально: чистым телом и каким-то приличным парфюмом, так, слегка. Так что нет, никакого физического отвращения он не вызывал. Вот отвесить оплеуху – да, хотелось. Раз уж простого человеческого «нет» он не слышит. Такая вот слуховая избирательность. Оплеухой неплохо лечится. Вот только руки, упертые в стену почти вплотную к ее плечам, не дали бы размахнуться...

Вместо этого Ольга резко присела, скользнула в сторону – и через секунду уже стояла, чуть опираясь о хрупкую ширму возле двери на террасу. Ширмочка была очень красивая. Очередная Сашкина пассия оказалась любительницей старины, откопала расхлябанную, облезлую конструкцию на чердаке этой самой дачи, отреставрировала, натянула на створки куски найденной там же шелковой скатерти – получилась вещица красоты несказанной. И очень легкая: возле нее черта с два выйдет подловить. Не то что возле стены. А в прямом спарринге еще не известно, кто кого. Генка, может, и сильнее, но Ольга тоже не лыком шита. Да и не станет он силу применять. Не то время, не то место. И персонаж, чего уж там, не тот. Избаловала его мамочка, а отец, по маковку занятый бизнесом, не вмешивался, даже в деньгах никогда не отказывал. Вот Геночка и развлекается, потому и «нет» не слышит.

В самом деле, не драться же с ним.

Потому спросила, как ни в чем не бывало:

– Выкрасился-то зачем?

– Ма-аленькой е-о-олочке холодно зимой, – загундосил Борецкий, крутя головой. Серебристо-зеленые пряди заколыхались, и впрямь напоминая заснеженные еловые ветви. И глаза из привычно серых стали вдруг зелеными. Вот чего, в самом-то деле, до Ольги-то докопался?

– Придурок, – фыркнула она почти беззлобно.

– Забижаете бедного парнишечку, – продолжал он тем же плаксивым тоном. – Между прочим, хайр от самого... – Генка гордо назвал имя одного из самых модных московских стилистов, что Ольга, как обычно, пропустила мимо ушей, отметив только, что Борецкий в своем репертуаре: главное – быть в тренде, или как там это нынче называется, а насколько это удобно и красиво – вообще по фигу. Когда вошли в моду джинсы с подворотами, всю зиму проходил с красными, как у гуся, щиколотками – удивительно, как в больничку не загремел. Хотя модный стилист, пожалуй, свою славу заслужил: и прическа, и дикие ее цвета Генке шли.

– Я не про хайр, – усмехнулась она. – Ты по жизни придурок. Причем самовлюбленный. Лапки загребушие тянешь туда, где тебе точно не обломится. От большого ли ума?

– Чекаешь? Или прям шеймишь? – подвижное лицо изобразило смену разнообразных чувств: и настороженность, и обиду, и даже почти серьезность. – А я ведь не просто так, я ведь и жениться могу!

– Так ты мне предложение, что ли, решил сделать? – она изобразила изумление и тоже почти серьезность.

– Ну... не то чтобы решил, но как вариант... – смотрел он, однако, насмешливо: ну-ка, ну-ка, теперь твой ход: примешь всерьез – а я посмеюсь, посмеешься – у меня все основания обидеться, потому что я типа с открытой душой, а ты выйдешь бессмысленно жестокая...

Все эти перевертыши жанра «ты сам(а) все придумал(а)» Ольга наблюдала не впервые.

– Вот когда решишь, тогда и обращайся. Обещаю... – помолчала немного и со смешком завершила реплику: – Выслушать.

Можно было, конечно, все же съездить ему по физиономии, но... Но. Это ж Генка, тут же вывернулся бы: шуток, дескать, не понимаешь. И выглядел бы почти жертвой. Жертвой женской глупости. Победившей жертвой. А она смотрелась бы душой и истеричкой. Да и вообще: раздувать конфликт во время праздника? Общего праздника. Где все свои. Даже Генка, при всех его шуточках – свой. Компания, сложившаяся в незапамятные времена почти случайно, сегодня чувствовалась едва ли не вечной. Так что нетушки, не станет Ольга портить общее настроение. Она и так справилась. Вывернулась, поиграла в словесный пинг-понг. Не выиграла – но и не проиграла. Ликвидировала неприятность в зародыше. Кто молодец? Ольга молодец.

На террасе в первый момент показалось почти холодно, и, наверное, поэтому широкие ладони, уверенно обхватившие ее плечи, почти обожгли.

– Ты куда подевалась?

Виктор обнял ее сбоку, почти сзади, но Ольге не нужно было смотреть, она и так знала каждую черточку: и тоненький, паутинный шрамик под левой скулой (итог первой попытки оседлать велосипед), и жестковатые волосы, не то русые, не то каштановые, и плечи, которые неплохо было бы подкачать, – но ей и так нравилось. Объективно говоря, Генка красивее. Но Генка ей ни за каким лешим не сдался, а вот Виктор...

Кто там из классиков рассуждал на тему: если любят за что-то, это никакая не любовь, любят всегда потому что. И, кстати, это ж не только к людям относится. Почему Вик не мыслит себя вне истории со всей ее архивной пылью, Димыча хлебом не корми, дай в железках поковыряться, а Сашка жить не может без медицины? Потому что гладиолус, как говорили в КВН – когда там еще умели шутить.

Мотнув головой, она потерлась об оказавшееся точно возле ее виска плечо, хмыкнула пренебрежительно:

– А, так... – еще и фыркнула по-кошачьи для убедительности. – Борецкому приспичило пообщаться.

– Он тебя... к тебе... да я ему сейчас...

– Ви-ик! – протянула она со смехом, хотя, чего греха таить, порыв спасти и защитить был приятен. – Подумаешь, Генка! Я ж на папиных курсантах тренировалась. Что мне Генкины подкаты?

– Ну так курсанты же папу твоего боялись.

– Вот именно! Поэтому знаки внимания оказывали исключительно в рамках, не то что по морде дать, даже возмутиться нечем было. Ну и обижать не хотелось: они ж не виноваты, что молодые, что у них гормоны, невзирая на учебную и внеучебную загрузку, бурлят, а из относительно свободных особей дамского пола рядом одна полковничья дочка. Постоянно рядом, вот где самый ужас-то. Так и научилась... уворачиваться. Знаешь, как парусники против ветра ходили? В лавировочку! И я так же. И непременно с улыбочкой: дескать, ты прекрасен, милый мальчик, но – не здесь и не сейчас. Может быть, когда-нибудь...

– Сашу-у-унчик! – низкий женский голос пробирал до дрожи, Ольге подумалось, что мужские организмы должны отзываться на подобный тембр не то что инстинктами – безусловными рефлексам. Но капризные интонации подвели, хвост томного возгласа вышел высоким, почти визгливым.

– Вот кого надо с Борецким скрестить, – хмыкнул Виктор. – Как Санька этих тьян выбирает? Сам с мозгами дай бог каждому, а тьянки у него как на подбор: каждая следующая тупее предыдущей. Называть Шаповалова Сашунчиком – это где-то уже за гранью.

– Зато экстерьер гляди какой, так и выбирает, – пожала плечами Ольга.

Нынешняя пассия хозяина дачи поражала ослепительной, феерической красотой: нежный румянец, тонкий носик, пухлые губы, смоляные кудри, точеная фигура с ногами «от подмышек». Но это почему-то не задевало, не пробуждало не то что зависти, а даже восхищения. Кукла – она и есть кукла. Щелк-щелк. Не откликнулся хозяин на призывный возглас, надо срочно еще кого-нибудь очаровать. Чисто для разминки.

Ближайшим объектом оказался Димка Дятлов, который возился в углу с какими-то проводами – привычная до чертиков картинка. Даже странная шевелюра – настолько сивая, что смотрелась седой, на улицах Димыча, невысокого, шуплого, верткого, в неизменной джинсе, случалось, за бодрого старичка принимали, – когда-то удивлявшая, теперь примелькалась.

Смоляные кудри склонились над «седой» макушкой, красotka мурлыкнула что-то томное, мелодичное, должно быть, очень соблазнительное. Димыч ответил тихо.

– Те-ехникум?! – вопль красотки вознесся до небес гласом оскорбленной невинности. – Сашунчик! У тебя тут чел из шараги? Да ты бы хоть выяснил сперва...

– Что именно я должен выяснить? – почти высокомерно осведомился возникший рядом Шаповалов.

– Вот... этот... вот... – девица почти задыхалась от возмущения, прелестный ротик перекосялся. – Он... из техникума!

– Ну да, радиоэлектронного, – подтвердил хозяин. – Не криви губки, морщины будут. Ну и не помешало бы извиниться...

– Что?! – идеальные глазищи еще больше округлились. – Перед... этим? Я же как лучше! Сам, что ли, не понимаешь? Это же отстой! Зашквар голимый! Полный кринж! Я просто...

Задумавшись не больше, чем на пару секунд, хозяин вечеринки хмыкнул:

– Просто? Вот и шагай на выход так же просто. Андерстенд?

– Что за... – на дивной прелести личике нарисовалось всепоглощающее недоумение, тоже, впрочем, вполне прелестное. – Вот ни разу не смешно, – пухлые губы сложились в обиженную гримаску.

Шаповалов глядел на красотку, как профессор-физик – на очередного изобретателя с очередным вечным двигателем, с интересом, но совсем не того толка, на который изобретатель рассчитывал. Глядел, впрочем, совсем недолго, подытожив с легким вздохом:

– Так это и не шутка, – сообщил он скучным голосом. – Моя компания тебя не устраивает, так что – гуд бай, не держу.

– Да ты... ты совсем, что ли, берега попутал? – взвилась красotka.

– Не агрись, а то точно морщинки появятся, – почти равнодушно остановил ее Сашка. – Не на мороз же выкидываю, сейчас такси тебе вызову.

– Себе вызови! В преисподнюю! – и она выскочила с террасы, но, разумеется, не наружу, а вглубь дома.

Димыч, из-за которого вроде случился сыр-бор, все так же сосредоточенно возился с проводами. Виктор же засмеялся, хлопнув хозяина по плечу:

– Силен, бро! Думаешь, свалит? Или рыдать отправилась?

– У нее там шубейцл, не раздетая же она пойдет. Но я на контроле, как такси подъедет – и провожу. Ну или выпровожу. Принцесса нашлась!

«Принцессу» Сашка привел сам, но напоминать об этом было бы, конечно, бестактно.

– А чего Артема не видеть? – нейтрально поинтересовался Виктор

– У-у-у, там эпопея, – Шаповалов развел руками, демонстрируя размер «эпопеи». – Он же летнюю сессию завалил, а осенью так и не пересдал, ну и финал немного предсказуем: приказ об отчислении висит, Артемка рыдает. То есть насчет рыданий – это я для полноты образа.

– И че?

– И ниче, – Сашка пожал плечами. – Тут как раз осенний призыв, ну и пожалте, юноша, не хотите отвечать профессору – будете отвечать военкому. Теперь шкерится у кого-то на даче, надеется портянку медицинскую получить – ну там плоскостопие или еще чего, чтоб не забрали. Ко мне пытался подвалить насчет медицинских связей, но я его... – ухмыльнувшись, он оглянулся на Ольгу. – Короче, мягко объяснил, что кружка Эсмарха – это отнюдь не желудочный зонд. Ну и вроде ему кто-то обещал. Или, может, купить хочет, а денег-то у него откуда? Ты ж его предков знаешь. Но, может, еще явится. Макса-то тоже еще нет. Юлька – и то уже приехала. Юль, ты как?

Устроившуюся в углу дивана Юльку Ольга сперва и не заметила. Съежилась там, как сиротинушка. Она и всегда была тихая, а когда поставили ей страшный диагноз – прогрессирующая мышечная дистрофия, и вовсе как будто скукожилась. Хотя никаких реальных проблем пока не возникало, но Ольге казалось, что «я смертельно больна» на Юльке здоровеными буквами написано. Вроде и не афишировала она свой диагноз, но почему-то все были в курсе. И почему-то не получалось у Ольги ей сочувствовать. То есть сочувствовать-то она сочувствовала, но как-то словно бы издали. Вот ешкин кот, пусть у тебя жуткий диагноз и кошмарные перспективы, но если болячка все еще спит, чего ж ты умирающего лебедя изображаешь? Живи, пока живется, не тяни на себя одеяло всеобщего внимания.

Или тут дело вовсе не в болячке? И не всеобщего внимания Юлька жаждет, а вполне конкретного? Раньше Ольге это в голову не приходило, а сейчас вдруг заметила: короткий, почти проходной вопрос Шаповалова заставил Юльку залиться краской – густо, жарко, предательски. Но голос, хоть и тихий, не дрожал:

– Все хорошо, спасибо, Саш.

– Не замерзла? – продолжал проявлять заботу Шаповалов.

– Нет-нет, что ты. Спасибо, что вытащил, мне у тебя хорошо так.

– А чего ежишься, как будто холодно?

– Да я... – она замялась.

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай, – голосом совершающего обход профессора потребовал Сашка.

– Я сегодня в больнице была...

По Сашкиному лицу как будто тень прошла. И Юлька мгновенно эту тень заметила! Заговорила быстро-быстро, предупреждая неверные толкования:

– Нет-нет, не думай, у меня все по-прежнему, никаких нехороших симптомов или там динамики не туда, все стабильно. Никто, конечно, не знает, как долго это продлится, но пока все хорошо. И говорят все как под копирку: беречься надо, не провоцировать, бла-бла-бла. Да я привыкла, наизусть уже их предостережения выучила... Только... там... ну ты же знаешь, где я наблюдаюсь... там... детей привезли. С Донбасса. Саш, детей! – голос ее зазвенел, как звенят близкие слезы.

Ольга же почувствовала, как закаменела ладонь Виктора на ее плече. Нахмурилась, накрыла его руку своей, погладила, потянула в сторону:

– Вик, только опять не вскидывайся, ладно? А то я очень хорошо помню, как ты в прошлом году чуть на Донбасс не укатил.

– Ты что, не понимаешь? – проговорил он почти сквозь зубы.

– Ну да, где уж мне-то понять, – горько усмехнулась Ольга. – Ты все-таки соображай немножко, кому и что говоришь. Или ты мою семью не знаешь?

– Да знаю, знаю, прости... Сгоряча... Потому что...

– И порыв твой более чем понятен, – остановила Ольга. – Но... Вик, глупо срываться в добровольцы, когда до диплома всего ничего. Вот после защиты имеет смысл что-то решать, а сейчас...

– При чем тут диплом? – словно бы не понял Вик, хотя обсуждали все уже миллион раз, бесконечно прокручивая одни и те же аргументы.

– Да, пожалуй, что ни при чем, – кивнула Ольга. – Но... Ты ведь в герои рвешься.

– Ну... – он замялся. – Даже если так... Это плохо?

– Боже упаси, – она даже головой замотала. – Я ведь после Дома профсоюзов тоже хотела бросить школу и ринуться на Донбасс – спасать и защищать. Вот как в тридцать восьмом мальчишки бежали в Испанию. И мама мне тогда рассказала... Классный час, преподаватель задает вопрос: «Какими качествами должен обладать человек, чтобы, увидев тонущего, броситься его спасать?» Дети наперебой: смелость там, самоотверженность, благородство и все такое. Все про героизм, в общем. И только один мальчик тихо-тихо сказал: «Он должен уметь плавать». Понимаешь?

– Думаешь, я ни на что не гожусь? – очень тихо спросил Вик. – Историк – это прям ботаник? Пока диплом готовил, знаешь, сколько фронтовых писем прочитал? И мне как будто стыдно стало. Они ведь... а я... Но я тоже... Вот понимаешь, я просто должен там быть. Защищать, не знаю, что скажут, то и делать: окопы копать, стрелять, патроны подносить, в разведку ходить. И пусть убьют даже... Ведь герои, они тоже были обычными мальчишками и девчонками, а потом...

Узкая Ольгина ладонь легла на его губы – ласково, но твердо:

– Ты при папе такого не ляпни. Пусть убьют, видите ли. Вик! Ну нельзя же так, ты же не пятилетний мальчик!

– А что я неправильного сказал?

– У тебя мотивация задом наперед. Защищать – это работа. Работа, которую надо делать как можно лучше. Хотя про «должен» папа бы согласился. Когда в Сирии началось, Игорь тоже ведь рвался, да не он один, там очередь выстроилась. И вот... все еще летает. Но он и учился черт знает сколько, и действительно один из лучших. Он туда рвался, не чтобы героически погибнуть, а чтобы пользу принести.

Старшего Ольгиного брата Виктор помнил смутно, видел-то всего однажды. Вроде шашлыки они жарили, и, может, даже вот на этой даче. Неприметный коротко стриженный парень сидел в сторонке, поодаль от общего веселья, а после, кажется, и вовсе задремал. Боевой летчик? Вот этот вот? Невероятно. Но ведь он в Сирии с пятнадцатого года летает – и не просто летает, а выполняет боевые задачи, и награды есть, Ольга говорила, – значит, он реально крут! Или даже нереально... И что делать Виктору? Он же просто историк. Архивная крыса. Но он ведь не такой! Он тоже – может!

– Ну... Окопы же тоже кто-то должен...

Ольга покачала головой:

– Окопы, говоришь? Знаешь, если тебе так сердце велит, ну, ешкин кот, есть же волонтеры. Съезди, привези гуманитарку, помоги кого-то вывезти. Такой вариант тебе в голову не пришел?

– Да я пробовал, а там... – Виктор поморщился. – Короче, какие-то люди... неприятные. Мне показалось, они только за карманы свои беспокоятся.

– И ты решил, что все такие? Раз попробовал – и разочаровался? Ясен пень: кто громче всех вопит, от тех меньше всего толку. Правильных хватает, но они не орут о себе из каждого утюга.

– И где их искать, правильных?

– Можем вместе поискать, – примирительно предложила Ольга. – К примеру, вот детишки, про которых Юлька рассказывала, их же кто-то привез? И, кстати... Надо в больницу

эту сходить. В больницах, в госпиталях всегда помощь нужна. Реальная помощь! А не игра в героя.

– А как же народное ополчение? – упрямо набычился Виктор. – Они тоже в героев играли?

– Вик, не путай соленое с круглым. Мне за Игоря знаешь, как страшно? Но он ведь не ринулся на своем истребителе самовольно в условную Испанию, в ту же Сирию или на Донбасс – он написал рапорт. Четыре, кажется. Пока не одобрили его кандидатуру. И да, это то самое «есть такая профессия – Родину защищать».

– В Сирии?

– В Сирии, в Конго, во Вьетнаме, да хоть в Венесуэле. Пошлют на Донбасс – полетит на Донбасс. Командованию виднее. Благородные порывы необходимы, но анархическая вольница – это хаос, – Ольга поймала себя на том, что опять цитирует отца. Хотя тот пускался в рассуждения редко, да почти никогда. Предпочитал делать. В августе четырнадцатого вон был «в отпуске». На Саур-Могиле, потом в Дебальцево, вернулся в феврале пятнадцатого с осколком в предплечье, а через две недели получил третью звезду на погоны и папаху. Так что редкие его откровения вырастали, мягко сказать, не на пустом месте. – Игра в героя – это ж не про «пользу принести», это себя, любимого, убаготворить. Убейте меня красиво. А народное ополчение – это как раз порядок. И партизанские отряды – это тоже про порядок. Вот если ты сейчас пойдешь в военкомат и скажешь: «Отправьте меня на Донбасс», – что тебе ответят?

– На фиг пошлют, а могут и «скорую» вызвать, забирайте психа.

– Вот именно. Потому что не сорок первый, а две тысячи двадцать первый. И не дай бог, чтобы начался новый сорок первый.

– Но ведь... – Виктор выглядел таким растерянным и несчастным, что Ольге стало его почти жаль. – Оль, я историк, мне видно. Сорок первый уже на пороге. Все к тому идет, понимаешь? Они же не успокоятся. И я не про соседей наших самостийных, они – тот самый Гаврило Принцип, что эрцгерцога Фердинанда в Сараеве застрелил.

Она только вздохнула и прижалась к нему покрепче.

Макс ворвался на террасу, распахнув сразу две створки стеклянных дверей. Как всегда. Шумный, яркий, громогласный. Рыжий, почти как морковка: Ольга до сих пор удивлялась, что его шевелюра совсем не походит на клоунский парик.

– Привет честной компании! Сань, ты чем свою тяночку так напугал? Вылетела на меня, шубка нараспашку, хайр в разные стороны, из глаз аж искры летят, жесь жестяная! Ты чего, вскрылся, что без пяти минут стоматолог, и она крип словила?

– Типа того, – хмыкнул Шаповалов.

– Ну ты бы не тормозил, – ухмыльнулся Макс, плюхаясь в старое ротанговое кресло, заботливо накрытое пледом-шотландкой. – Разжевал бы, что пластическая хирургия, без которой такие няшечки жизни не мыслят, – убогий отросток челюстно-лицевой... А то чего ж, теперь новую искать придется?

– Да ой! – Сашка картинно развел руками. – Этого добра даже у меня в меде овердофига. Сам-то тоже в сингле явился.

– Тьфу на тебя! Чтоб я – да без ансамбля? Динка побежала зеркало искать.

– Динка? – переспросил Шаповалов. – У тебя же вроде Алиса была?

– Тю! Еще детсад вспомни! – захохотал Макс. – И Алиса была, и Алина была, и Лариса была, и даже Семирамида. Кого только не было, теперь Динка. Или Нинка, что ли? Ай, по фигу. На том клумбешнике, что у папы с мамой в приемной цветет и пахнет, этих цветучечков не продохнуть, бери любую и пользуйся. Они, в отличие от твоих красавиц, все же при профессии, так что там, кроме сисек, и мозги какие-никакие наличествуют, и вайбы они пускать умеют, а не то что твои, типа между ног восьмое чудо света и все им за это должны. Не, пап-мамины девочки-лапочки... – он мечтательно вздохнул.

– Так разве девочки из кордебалета – или как там это называется, – разве они в Новый год не заняты выше крыши развлечением всяко-разной публики? – Сашка словно бы всерьез заинтересовался.

– Шеф, вы с меня смеетесь? – и Макс действительно расхохотался. От души, не натужно, заразительно. Ему явно было и вправду весело. – Где они могут быть заняты? Все телепрограммы заранее отсняты, корпоративы разных там газпромов – сколько там тех газпромов, а на тусовках помельче без подтанцовки обходится, ибо клубешники поменьше, потеснее, да и дороговато, звездищу какую заказать – один ценник, а с полной обвеской – совсем другой. Ну и опять же для тринадцатого маленького лебедя, если что, выбор очевиден: денежку за пляски на корпоративе в клубе мукомольного училища получить или захомутать единственного сыночку самих Рогожиных? Я у нас – добыча завидная, контингент из колготок наперебой выпрыгивает.

– Рогожиных? – переспросила Ольга. – погоди, Макс, как это? Каких Рогожиных? Которые продюсеры?

– А ты откуда знаешь? – ехидно зашептал ей в ухо Виктор. – Ты ж шоу-бизнесом не интересуешься.

– В ленте нет-нет да и мелькнет, – пояснила она тоже шепотом. – Я и политикой, в общем, не интересуюсь, но фамилии и характеристики основных действующих лиц все равно в голове. Только я не поняла. Макс! Ты же Огнев, какие Рогожины?

– Олюшка, сокровище наше, – Макс даже из кресла слегка приподнялся, словно намереваясь ее обнять, – ты думаешь, детки вроде меня все под своими фамилиями учатся-лечатся? Чтоб пырились бы все подряд – оно мне надо? Огнева – девичья фамилия мон шер маман, так что я даже ничего не выдумал. Как у Андрея Миронова, хотя по несколько иной причине и, надеюсь, с иными последствиями.

– Подходящая фамилия, – засмеялась Ольга.

– Ну дык! – Макс гордо встряхнул рыжей шевелюрой.

– А твои предки на каком канале со всеми этими звездищами возятся? – заинтересовался вдруг вернувшийся на террасу Борецкий.

– Да веришь, я в душе не ведаю, – пожал плечами Макс, хотя, как подумалось Ольге, не без рисовки. – Я на эти дела забил, еще когда фамилия только вылезать стала. Они, конечно, пытаются меня к семейным делам пристроить, но я пока уворачиваюсь. Слушать, конечно, все слушаю, наблюдаю – кто с кем против кого и за какие пряники дружит. Мало ли, авось пригодится.

– Ну так-то да... – Генка важно кивнул. – Только я не врубаюсь, как тебя с таким происхождением в народное хозяйство занесло?

– Но-но, о моей высокоуважаемой альма матерь извольте говорить с почтением. Российская академия народного хозяйства и государственной службы, в крайнем случае, для заик, – он отвесил Борецкому шутовской поклон, даже воображаемую шляпу приподнял, а поскольку продолжал сидеть в кресле, выглядело сие действие особенно смешно, – РАНХиГС. Государственной службы, не хухры-мухры, чтоб ты понимал. Или мне в кулек надо было? В институт культуры типа? И она, академия то есть, вообще-то президентская. Выше нас только горы, круче нас только яйца!

– То есть в губернаторы, что ли, пойдешь? Или куда?

– Чего это сразу в губернаторы? Ты, Геночка, по-моему, слабо представляешь себе, чем взрослые мальчики и девочки занимаются. Ну кроме просаживания папенькиных денежек. В губерны меня как-то не тянет, я там ничего не понимаю. Эрнста вон сменю, ему давно на пенсию пора, а нашим телевидением, соответственно, давно пора поуправлять как надо, а не как в девяностые. Ну то есть не вот сразу с тепленьким дипломом приду его из кабинета выкидывать, но в целом, на перспективу – почему нет? Образование как раз подходящее. Ну и я ж эту публику как облупленных знаю, кто чем дышит и на что способен. Окопались там, понимаешь,

в тепле и покое, два прихлопа, три притопа, лечите геморрой огурцами. Я уж не говорю про рекламные потоки, там к жадным ручкам столько прилипает, что бедный Эрнст прямо плачет: дайте бюджетных денежек, а то телевидение у нас убыточное, вы же понимаете... Вот прям на голубом глазу! Телевидение у него, блин, убыточное. Зарплаты скоро газпромовские перерастут, а уж сколько сверху – ой, мамочки, я и чисел-то таких не знаю...

Шаповалов как бы в ужасе выпучил на него глаза:

– Ау, парень? Кто ты такой и куда дел нашего друга Макса?

Тот рассмеялся:

– А ты думал, я исключительно балабол и шалопай? Ничего, брателло, всех вас ждет много-много чудесных открытий. Кстати, об открытиях – где шампанское? Старый год провожать пора! – болтая и гримасничая, Макс сноровисто и умело открыл шампанское и разлил его по приготовленным на сдвинутом вбок столе бокалам. – Разбирайте! Ой, уже? – растерянно произнес он – из глубины дома донеслись первые звуки курантов.

– Говорил же, надо хоть на ноуте трансляцию здесь включить, – охнул хозяин и поднял бокал. – Быстро-быстро-быстро! Семь... восемь... одиннадцать... – считал он негромкие, но гулкие удары. – С Новым годом, народ!

– Новый год с первым ударом курантов наступает, – тихо проговорила Юлька, но услышала ее, кажется, одна Ольга.

Все заулыбались, загомонили, засияли.

И, словно подхватывая куранты, улыбки, переливчатый блеск шампанского, по всей террасе заискрились, замерцали, засверкали разноцветные огоньки. Ольге подумалось, что это все равно что оказаться внутри шкатулки с драгоценностями.

– Ну, Димыч, ты прям Фарадей! – улыбаясь во весь рот и восхищенно крутя головой, хозяин отставил опустевший бокал и зааплодировал.

– Ты ж хотел, чтоб все гирлянды в одной связке работали, ну вот... – несколько смущенно ответил Димыч, протягивая Александру плоскую черную коробочку. – Пульт общий. Направляешь вот сюда...

Снаружи вдруг что-то гроыхнуло – и темнота неба стала ослепительно-белой, черные ветви нарисовали на белизне резкую, почти пугающую паутину. Белое сияние медленно тускнело, но грохот не прекращался. Одна из ракет зависла прямо за выходом с террасы, делая снег кроваво-красным. Ольга поежилась:

– Как на полигоне.

– Это же просто фейерверки, – шепнул ей в ухо Вик. – Сейчас Санька с Максом тоже чего-нибудь позапускают. Красивое.

– Красивое, – согласилась она, вспомнив мем с котиками, которые спрашивали: «Вы продаете рыбов?» Вик показал, когда они батонились у него после первой сессии, она чувствовала себя легкой-легкой, как пузырек шампанского. – Но стрельба... да еще Юлька про детишек этих...

За хлипким заборчиком, отделяющим соседний участок, четыре чахлых, словно обкусанных саженца вдруг зашипели, заискрились, загорелись. И через пару секунд стало ясно, что никакие это не саженцы, а еще одна пиротехническая конструкция.

– Во дают соседи! – засмеялся где-то справа Шаповалов.

Заслоняя и разлапистые яблони, и плакучую березу у самого крыльца, и весь соседский дом, посреди заснеженного сада ярко пылали высокие, метра по полтора, огненные цифры.

Двойка. Ноль. И еще две двойки.

И Виктор вдруг загадал: двадцать второго февраля он сделает Ольге предложение. И даже добьется от нее ответного «да». Она не сможет отказать, просто не сможет. Нет, он никогда не верил ни в какие нумерологии, но сочетание «22-02-2022» выглядело таким совершенным! Такое раз в сто лет бывает. Или даже в тысячу...

Глава 2

Кто ты?

Двойки и нули горели в мозгу, разрастались, распускались огненными цветами... Какой красивый бред...

В горячечном полузабытии иногда появлялись зеленые и белые фигуры, вокруг них как будто клубилось голубоватое сияние. И еще сверху, над ними... Фигуры что-то говорили – кажется. И наверняка что-то делали. Обезбол кололи уж точно: ничего больше не болело, а в голове царила горячая звенящая пустота, в которой иногда распускались огненные цифры... Только спросить, что они означают, было не у кого...

Он даже видел Того, Кто Знает Все. Почему-то похожего на физрука Славича, только старше, а рук у него было две. Но смотрел он так же. И на слова был скуп, Про цифры не сказал ничего, только кивнул, бросив короткое:

– Годится.

Когда он открыл глаза в очередной раз, голова уже почти не кружилась, и ощущение, что плаваешь в бреду, пропало.

– Вы очнулись! – сидевшая возле его койки девушка произнесла это тихо, но он услышал, и радость в ее голосе услышал. – Я так долго ждала.

– Долго? – переспросил он тоже тихо, но в горле больше не торчали жестяные обломки, и воздух не казался колючим.

– Долго, – она кивнула.

Девушка? Нет, скорее девочка, совсем ребенок, лет десяти – двенадцати: мягкие, совсем детские черты лица, огромные голубые глаза и плюшевый медведь под мышкой. Потом он понял: нет, она старше. И не потому, что дети не бывают седыми. Бывают. Но у детей не бывает таких глаз – ясно-голубых, но словно бы пеплом присыпанных. Или... бывают?

– Зачем... ждала?

– Сказать спасибо, – она, кажется, улыбнулась, но как-то странно, одними губами, так что было непонятно, улыбается ли она или собирается заплакать. Но голос звучал ровно. – Вы же из той группы, что взяла Зуб дракона, – это прозвучало не вопросом – утверждением.

– Ага, – подтвердил он. – За что... спасибо?

– Гады больше не стреляют, – тихо и как будто механически сообщила девушка (или все-таки девочка?), склонившись над ним совсем низко. – Раньше – каждый день, то чаще, то реже, но каждый день. Теперь заткнулись...

В горле опять запершило. Спасибо надо было говорить тем, кто... кто остался там. Кто не такой везучий, как он. Неужели он – единственный, кто вернулся?

Он узнает это позже, намного позже.

– Они всех моих убили, – с ужасающим спокойствием сообщила девочка и шевельнула рукой, словно прижимая плюшевого медведя крепче. – Два года назад. Всех. Даже Мишаньку, он в то утро первый раз прошел от двери до... – она вдруг закашлялась, резко мотнула головой, сморщилась, уткнулась лицом в медведя. Но справилась, подняла голову, прищурилась сухими, без следа слез глазами и улыбнулась страшной улыбкой. Как будто ей было лет сто. – Хотела бы я... ой.

И замолчала вдруг, словно боялась. А потом спросила:

– А вы чего-нибудь хотите?

– Пить... наверное...

Девочка поднесла к его губам стакан. Он дернул правой рукой, пытаясь посудину перехватить, но пальцы лишь скользнули неловко. Пришлось принять воду из этих тонких детских

рук. Невероятно вкусную воду. Просто волшебно вкусную! Наверное, это вода была виновата, потому что он ведь ничего такого говорить не собирался, оно само вырвалось:

– Стометровку... пробежать... – и почувствовал, что улыбается, хотя щекам вдруг стало мокро.

Девочка, не удержавшись, быстро глянула на нижнюю часть койки. Хотела бы она не видеть! Говорили, что надежда еще есть, но за почти два года молчаливые взгляды врачей она выучилась читать лучше, чем произносимые вслух слова. И все же, тряхнув головой (стрижка у нее была совсем короткая), она улыбнулась. Уже не той столетней, пугающе-неживой улыбкой, а обычной, хотя и слабой:

– Пробежите. У вас получится. Точно.

Наклонилась – и осторожно, нежнее, чем касается падающий снег, обняла его, переманного бинтами, израненного, но – живого.

А потом бережно уложила на кровать – когда сознание, прояснившееся ненадолго, вновь окунулось в марево бреда. Ничего еще не кончилось, ничего...

Вокруг поднималась высокая трава. Он откуда-то знал, что именно здесь стоял когда-то Зуб дракона. Или думал, что знал. Место казалось совсем незнакомым. Тихим таким. Поля расстилались вокруг золотым ковром, как на картине какого-нибудь Шишкина. Только совсем рядом, посреди этого золота, там, где, наверное, когда-то стоял опорник, тянулась длинная овальная прогалина, светящаяся сочной зеленью. То ли озимые всходы, то ли просто трава. Он не очень ясно представлял себе график сельхозработ: если поля вокруг золотые – это осень? Тогда зелень вполне может оказаться озимыми всходами. Или, может, середина лета? Тогда... Неважно, все равно красиво.

И череда стройных пирамидальных тополей неподалеку – наверное, та самая лесополоса – тянутся к небу, шелестят под легким ветром. Словно никогда и не встречались со смертоносной сталью. И земля под золотым ковром словно забыла, как была изранена, перекорежена, напичкана мертвыми страшными железяками, полита кровью... Или – и не была вовсе?

Здесь как будто никогда не было никаких боев. Сколько нужно земле, чтобы зарастить свои раны? Значит, здесь – далекое-далекое будущее? Или этот мирный пейзаж – вовсе вне времени?

Небо поднималось над ним высокое-высокое. И никакое не белесое – лазоревое, почти синее, как оперение волнистых попугайчиков. Не те, что зеленые, а такой вот небесной синевы. У них еще такие смешные пушистые белые щечки – точно как облачка. Там, высоко. И никаких беспилотников, только облачка. Смешные, как белые медвежата. Или, например, зайчики. Или перья ангельских крыльев...

Одно зацепилось за вышку сотовой связи, возле которой он лежал. Улыбнулся, подумал: «Молодец, Димыч, не зря диплом свой писал, наверное, ты эту вышку и ставил. А сейчас, наверное, ты там, в рощице пирамидальных тополей. И все там – и Димыч, и Шаповалов, и Макс, и Юлька, и... и Ольга. Даже, может, Борецкий – вот кого бы век не видеть. Но леший с ним, с этим самовлюбленным болваном, главное – там Ольга. И надо подниматься и идти туда. Она ведь просила вернуться, она ждет».

Только спина, кажется, приросла к теплой земле, лежать бы и лежать, глядя в высокую синеву...

Нельзя. Ведь ждут же! Надо туда, в лесополосу. До нее всего-то сто метров. И никаких дронов, никакой арты, никаких пулеметов. Не надо ползти, не надо вжиматься в корявую израненную землю. Даже пригнуться не нужно... Всего-то и нужно – подняться. И сделать первый шаг...

– Годится, – неслышно сказал кто-то, похожий на сурового физрука.

* * *

– Ну... рискнул. По правилам, конечно, надо было выше брать, но парень-то молодой, ему жить да жить, а тут... да сам видишь. И ведь получилось же.

Голос был негромкий, но глубокий. Мягкий. Бархатный даже. Как старая плюшевая скатерть на придвинутом к кухонной стене круглом столе. Кажется, она была зеленая. Или синяя? Нет, все-таки зеленая. У стола имелись четыре мощных, почти как у слона, ноги, растущих из толстеного верхнего обруча, на который опиралась столешница. Примерно на середине высоты ноги еще зачем-то соединялись крестовиной, не такой мощной, как они сами, но ему хватало. Он забирался под стол и сидел там, как в палатке, в загадочном и уютном зеленоватом сумраке. Да, точно – зеленая была скатерть.

– Правильно, получается, рискнул...

Второй голос совсем не напоминал бархат. Тоже тихий, он как будто немного скрежетал. Как древние ходики, что висели над тем самым столом-палаткой. Почему-то тикали они совсем неслышно, только механизм скрежетал тихонько.

Бабушкина подруга, которой принадлежали и скатерть, и стол, и ходики над ним, совсем не возражала, что он прячется в зеленом сумраке. И когда бабушка делала ему замечание, чтобы не баловался, останавливала, объясняла без тени улыбки:

– Он не балуется. Он разведчик, в засаде сидит.

Разведчик... Засада...

Слова отзывались почему-то не плюшевым уютным теплом, а как будто болью. Опасностью.

– Да справились бы, не в первый же раз...

Бархатный голос успокаивал самым своим звучанием: тс-с-с, никакой опасности нет. И боль тоже прогонял. Да и была ли она, та боль? Вроде нет. Только пятку почесать хотелось.

Бабушкину подругу звали баба Галя. Или Валя? Или даже Ляля? А бабушку... Черт, не мог же он забыть, как звали бабушку?! Отца звали... погоди, но как же это? Разве можно помнить круглый стол под зеленой скатертью и хриплые ходики над ним – и не помнить... никого...

Тихие голоса успокаивали. Надо начать сначала. Меня зовут...

Но вместо имени, вместо привычного звука – или хоть пылающих букв на изнанке сомкнутых век – голову заполнял теплый зеленоватый сумрак.

– Даже позывной неизвестен? – спросил вдруг тот, что скрежетал.

– Ты не помнишь, что творилось? Так-то при каждом документы, а у этого – ничего. Ну или отбросили куда-то. Но в это я не верю, перегруз не перегруз, на приеме работают четко. Сразу – на стол, бумаги – потом. А бумага-то и нет.

– Одежду проверили? – тихо проскрежетали «ходики».

– Обижаешь. Все проверили, нет документов.

– А на месте? Ну из какого эвакогоспиталя поступил? Там, может, какие бумаги найдутся?

– Знать бы, откуда поступил. Везли-то с нескольких направлений, сам помнишь. Так что по нулям. Даже не помнят, кто его привез.

– Может...

– Да где теперь... – перебил бархатный голос. – И не лети, как на пожар...

Пожар. При чем тут пожар?

Долго-долго крокодил море синее тушил...

Море, чайки и дельфины нам показывают спины...

Дельфин!

Точно – дельфин!

Старший сержант Виктор Полуднев, позывной «Дельфин»!

А баба Галя – это вовсе не подруга бабушкина, это сама бабушка! А подругу звали баба Аля.

Но главное – он сам. Проговорил мысленно еще раз десять, не полагаясь на память, которая норовит фокусы выкидывать: Виктор Полуднев, старший сержант штурмовой батальонной группы, позывной «Дельфин».

Глупая песенка про дельфина и русалку, которую и не помнит уже никто. Мама Ольга дочку русалкой дразнила, потому что волосы волной переливаются. А Ольга смеялась: «И ничего не русалка, у них хвост, да еще и весь в чешуе, фу, а у меня? Лучшие ноги на курсе!» Ноги... Ноги у нее – отвал башки, только глянешь – в глазах темнеет и жарко становится.

Ноги...

Борецкий тогда гадость какую-то про ноги сказал. Виктора после учебки на день домой отпустили – повезло, как мало кому. А этот приперся: одолжи, говорит, электросамокат. Смешно: богатенький, упакованный по самое не могу мальчик одалживается у Витьки, который на его фоне практически нищий. И стоит этот богатенький, и канючит. Вроде как когда-то не купил, тачка крутая, а если приспичит, вон они, самокаты, на всех углах торчат. Прокатные. Но ему прокатные не годятся, ему срочно в Верхний Ларс надо, там на машине никак не проскочишь, а на электросамокате – вполне можно. Что за Верхний Ларс, Виктор не вникал, не до того ему было, он и за новостями-то не следил, только радовался своему невероятному везению – можно с Ольгой повидаться! А на Борецкого злился: чего приперся? Времени в обрез. Тот, правда, тоже скулил, что времени в обрез и денег тоже, отец его спонсировать перестал, а ему вынь да положь самокат, без которого в Верхнем Ларсе хана.

Нет, про мобилизацию Виктор знал, конечно, но ему, добровольцу, вся эта паника была до одного места, а Борецкий реально трясся. Хотя какая ему повестка, смешно, ей-богу! Но он реально на измене был. Виктор слушал Генкины жалобы и злился все сильнее: время стремительно утекало, и на повидаться с Ольгой оставалось все меньше и меньше.

Ну и выгнал. Не самоката было жалко – противно стало. Бьющийся в панике Борецкий, почему-то уверенный, что главное – свалить, добраться до Тбилиси... Ждут его там. Да черт бы с ним, с его страхами и жалобами, но этот слизняк украл у Виктора не меньше часа! Еще и взбесился, что самокат не получит. Чтоб тебе, сказал, как плюнул, на твоей войне ноги оторвало! Тьфу, гнида, зачем только вспомнился.

С Ольгой повидаться все-таки удалось. И даже не только повидаться. Глаза у нее были на мокром месте, но она делала вид, что все в порядке. Не хотела Виктора расстраивать. Только и сказала:

– Ты только вернись. Пожалуйста.

Вернись... Он улыбнулся. Может, после госпиталя и отпуск дадут. Наверняка дадут. Хотя бы короткий, Ольгу обнять, прижать... Ох. И назад. К ребятам. Каждый на счету. А он, оказалось, никакой не ботаник никчемный, никакая не архивная крыса, а вполне приличная боевая единица... Он так Ольге и скажет...

Из забытья его выдернула прохлада. Кто-то мягко обтирал щеки, лоб, виски.

– Пятка... правая... – прошептал он.

– Очнулся, сынок? Вот и хорошо... – голос журчал мягко, но совсем не так густо, как тот, бархатный.

Едва приоткрыв глаза, он сразу зажмурился: так больно ударил в них свет. И сказать ничего не успел, голос зажурчал еще ласковее:

– Сейчас, сейчас пригашу... Вот, давай, милый...

Глаза он приоткрывал совсем медленно, осторожно, но никакого ужасного света больше не было, вокруг клубился приятный полусумрак. Он скрадывал детали, и только лицо – круглое, милое, как у бабушки – словно висело над Виктором.

– Пятка... чешется... очень...

– Ох ты, господи, сейчас Илье Сергеичу... – и лицо исчезло.

Убежала эта ласковая, с добрыми руками и журчащим голосом.

Почему вдруг убежала? Как будто испугалась. Смешно. Виктор еще пошевелиться толком не может, кого он может напугать? Почему она испугалась? Ильи Сергеич – это, наверно, один из тех голосов. Тот, который говорил «привезли – и на стол». На стол...

Когда он зажмурился из-за слишком яркого света, «бабушка» сразу свет убавила, а когда он про пятку сказал, почему-то испугалась.

– Пятка чешется очень, – снова пожаловался он, услышав над собой тот бархатный голос, который за что-то его хвалил.

– Пятка? Это бывает... пройдет... Сейчас еще немножко обезболим, а потом и пройдет...

Кажется, тот, как его, Ильи Сергеевич, ушел. Почему? Он же врач, он должен объяснить?

Он исхитрился приподнять голову. Собственное тело под простыней с этого ракурса казалось странно коротким. Он дернулся, пытаюсь если не встать, то хотя бы сесть, но – не получилось.

В голове плескалась тягучая пакостная муть. Наверное, это от лекарств, которыми бархатный обещал его обезболить. Только пятка все равно чесалась. И рука болела, из нее торчала какая-то трубка. Или не из руки?

Надо встать.

Да, точно. Муть в голове – просто от долгого лежания и лекарств. Если встать, в голове прояснится.

Подушка от его усилий куда-то поехала и, кажется, свалилась на пол – черт с ней, с подушкой! И с кроватью, и с белыми стенами, и даже этого, с бархатным голосом, – к черту!

Главное – встать, с остальным он потом разберется.

Он опять дернулся, потянулся, согнулся неловко – вот, сейчас, еще немного...

Локоть прострелило острой, отвратительной болью: так бывает, когда врубишься неудачно об угол. Что-то загремело, а белый потолок уехал куда-то ввысь.

Медсестра примчалась мгновенно. Влетела в палату и тут же ринулась обратно в коридор, что-то неразборчивое крича.

Звала кого-то.

Еще через минуту на ее зов явился угрюмый седой мужик с кривым шрамом на месте левого глаза. Вдвоем они сноровисто подняли Виктора, уложили на кровать, с которой Виктор, силясь встать, рухнул...

Он не возражал, даже не спрашивал ничего.

Потому что за те краткие мгновения он увидел.

Точнее – не увидел.

Ноги.

Обе. Обе, мать их, ноги.

Глава 3

Ближний

– Погоди, я тебе ссылку кину, там все наглядно...

После яркого, пестрого буйства Дня знаний и первых звонков осень словно зависла – приступать к погодным катаклизмам или и так неплохо? Лето же, сдав, казалось бы, календарное дежурство, приняло на посошок и словно задремало. Тепло, ясно, сухо, пусть люди еще немного покайфуют.

Те, однако, природных благостей будто и не замечали. Ладно бы еще в метро, но и в парках, и на террасах еще по-летнему открытых кафе пилились в смартфоны, торопливо листая ленту, жадно изучая картинки, похожие на военные карты. Точнее, похожие на карты, как их представляет себе человек, от военного дела предельно далекий. Собственно, и рисовали их блогеры, поголовно объявившие себя военкорами, хотя к военному делу имели отношение примерно никакое.

Если бы Костя это видел и слышал, хмыкнул бы почти брезгливо: «Какое счастье, что до этой вакханалии Борис Полевой не дожил». «Повесть о настоящем человеке» не с неба ведь свалилась, Полевой всю Отечественную был как раз военкором. И Шолохов. И Александр Твардовский. И Илья Эренбург. И Симонов не в тихом кабинете выдумал «С лейкой и с блокнотом, а то и с пулеметом», строки, ставшие гимном профессии. Так и называется – «Песенка военного корреспондента».

Для блогеров же слово «военкор» было всего лишь словом, позволяющим влиться в волну хайпа – ну и подняться на ней. Выйти в топ популярности. А популярность нынче неплохо монетизируется. Как сказал как-то один из новоявленных «властителей дум», глумливо ухмыляясь в камеру: «Домик сам себя не построит». Вот и разгоняют волну, высасывая «новости» из пальца или, в крайнем случае, пользуясь услугами «агентства ОБС (одна баба сказала)». Вранье? Да ладно вам, ошиблись, но вот сегодня-то будет самая расправдашная, самая обжигающая правда – только на нашем канале, спешите!

Обывателю мало сухих сводок Министерства обороны, обывателю надо, чтоб поярче, погромче, чтоб адреналин хлестал и чувство сопричастности росло. Как же тут без карт со стрелочками? И ничего, что блогеры не только в военном деле, но и в картографии не очень понимают, и карты у них получаются кривенькие, корявенькие, масштаб – и тот как будто необязателен. Так что читатели периодически впадали в недоумение: красивые стрелки каждый день менялись, двигались вперед, а в новостях повторялись названия одних и тех же сел и городов, за которые шли бои.

Но задумываться над этим мало кто задумывался. Адреналин так здорово туманит голову, а стрелочки такие красивые, такие убедительные!

Красные – значит, наши, синие – вражеские. А синие дуги, ошестинившиеся короткими растопыренными шипами, – это вражеские укрепления. Или наши, если дуги с шипами не синие, а красные. И все понятно же! Глядит обыватель на стрелочку – и представляет танковую лаву, за которой движется пехота. А дуга восстает из экрана смартфона в виде траншеи с бруствером – длиннющей, от одного города или села до другого.

Очень наглядно. И не имеет никакого отношения к реальности.

Траншея с бруствером от города до города? Ну-ну. С точки зрения оборонительной – штука более-менее бессмысленная. Сотню лет назад, во времена Первой мировой? Да, пожалуй. Но сегодня? Ее арта размолотит вмиг, не говоря уж о танках, дронах или тем паче самолетах. Так что никакая линия укреплений не сплошная, она прерывистая – противники зани-

мают господствующие высоты или иные важные или удобные точки, так, чтобы пространство между соседними укреплениями перекрывалось их огневыми возможностями.

И уж точно никто не ходит в атаку по всему фронту. И такие наглядные, такие убедительные стрелочки наступления – это не непрерывный поток людей и техники, это мешанина из атакующих, контратакующих, это распыленная по местности масса техники и людей, выбирающая лучший путь движения, чтобы не попасть под удар вражеской артиллерии, не въехать на минное поле или в непролазную грязь, пересечь речушку вброд, а не там, где надо наводить мост...

Сержант Константин Найденов всего этого не видел. Ни кликбейтных заголовков, ни ярких стрелочек. Не до того ему было. Он был одной из тех точек, из которых и складываются чертовы стрелочки и сухие сводки «за истекшие сутки нашими подразделениями...». И у него, как у любой из десятков тысяч точек, была своя задача.

– Таким, как я, тут самое место, – сказал он на днях новенькому с позывным Дельфин. – У вас, ребята, есть семьи – у кого-то уже и жены, и дети, а то и внуки, у кого-то только родители. Ну или по крайней мере были, – добавил он, заметив, что Дельфин, которого звали Вик, чуть помрачнел. – А я один с самого начала. Убьют – никто и не вздрогнет. Один на белом свете, как перст.

Говорил он – неожиданно для детдомовца – на очень правильном, книжном языке. Вик, хотя и не особо жаловал модный сленг, не сказать чтобы вовсе им брезговал, слетали с его губ и «хайп», и «кринж», и прочая «жесть». А Костя изъяснялся так, словно на эту войну пришел с той, где воевали еще деды, а то и откуда подале – из лесов Восточной Пруссии или с сопок Маньчжурии. И с Виком-то, при всегдашней своей угрюмости и молчаливости, почуял родственность, едва тот объявился в распоряжении, – как раз на почве интереса к истории.

– У себя в школе, – Костя упорно именовал свой детдом школой, – я в библиотеке все военно-исторические книги перечитал. Потом, как Интернет провели, так в электронных про-сизивал, когда была возможность.

С Виком они были почти ровесники, но Костя казался куда старше. Детдомовские взрослеют рано. Да, не девятилетние, когда детдома были переполнены, а по улицам бродили стайки беспризорников, занимая на ночлег заброшки и жестоко воюя с конкурентами за укрытия попроще. Сегодня, по сравнению с теми временами, таких почти что и нет. Однако «почти» не равно «совсем». Как ни старайся, и брошенные дети, и просто никому не нужные сироты были и будут всегда. Но оттого, что неблагополучная, как это именуют социологи, группа ныне уменьшилась кратно, даже на порядки, приближаясь к «проценту погрешности», от этого никак не легче. Хотя бы потому, что детдом – не семья. Не то чтобы в Костином детдоме царили какие-то прямо волчьи порядки, чтобы кто-то кого-то строил и гнобил – не больше, чем в любой обычной школе. И заботились, и даже ласковое слово, случалось, перепало. И семьи попадают такие, что в детдоме безопаснее. И все же, все же, все же...

Крепкий от природы, типичный уралец, сделавший уроки физкультуры второй, кроме военно-исторических книг, отдушиной, он и дрался неплохо – как почти любой детдомовец. Армия была выбором без выбора: рыба ведь не выбирала жить в воде. В учебке он почувствовал себя именно что рыбой, наконец попавшей в воду.

– Как у Давыдова – я рожден для службы царской, – сообщил он Вику. И даже улыбнулся, хотя вообще улыбался не чаще, чем солдаты в почетном карауле.

«Ты не отвлекайся на красивые сравнения и прочие воспоминания, ты карабкайся давай, – одернул он сам себя. – И гляди внимательней!»

Пригорков в донецкой степи столько, что именами наградили далеко не каждый, на картах многие обозначены лишь цифрами. Этот, к примеру – сто четыре и два – значит, над окрестностью он возвышается на сто четыре с копейками метра. Самое то для наблюдения.

Хотя разглядывать пока особенно нечего. Пригорок как пригорок, как будто и не война вокруг. Слева, справа, спереди, позади. Грохочут пушки, только и того, что дым багровый

кругами не всходит к небесам. По левому флангу, забирая сильно к западу, чтобы обойти вражеский укреп, наступает родная Костина батальонно-тактическая группа. Через полчаса она уткнется в другой укреп и займет позиции за небольшой лесополосой. Сержанту Найденову о том пока неизвестно.

По правому флангу соседняя БТГ, пытаясь обогнуть все тот же укреп уже с востока, уже вошла в небольшое село – и ввязалась в бой с занимающим его батальоном теробороны. Оттуда доносится беспорядочная стрельба...

А здесь – тишь, гладь да божья благодать, даже птицы какие-то курлычут в небе. На юг небось собираются. Пусть летят – подальше от войны, целее будут. Даст бог, когда вернутся, стрелять уже перестанут.

Вершинка пригорочка оказывается как будто покореженной: рытвины, впадины, трещины – не то от обстрелов, не то природа так распорядилась. Вот и ладушки, вот и хорошо, есть где заныкаться, а то ведь не ровен час заметит кто снизу...

Ох, и правильно же он сюда забрался! Метрах в двухстах к востоку – еще высотка, за ней и село виднеется, дымом затянутое. Дым – серый, желтый, коричневый, всякий – там и сям озаряется вспышками, всполохами, искрами. Бой там, в деревушечке с милым названием Панасова Пасика.

А вот на соседней высотке никакого дыма, никаких всполохов. Тишина. Но такая – настоженная. Потому что не просто высотка – огневая позиция ЗУ–23, с другого места не разглядишь, спрятались, а Косте хорошо видно. Не наша позиция, бандеровская. Что они здесь охраняют? Ага, вот и объект – в распадке между высотами бронегруппа. Не «Мертвая голова», конечно, ни по качеству вооружения, ни по количеству. Костя отмечает три старых Т–55 и столько же БМП–1: вместо ПТУР с нежным именем «Малютка» на башнях – по паре пулеметов за американскими щитами. Плюс пяток ган-траков, грузовиков с импровизированной броней, вооруженных по принципу «кто первый встал, тот лучше всех оделся». На бортах – сине-желтые отметины, но в целом техника не размалеванная, значит, регуляры, а не гопота из нацбатов или вуйки из тербатов.

Вроде и смешно, на первый взгляд – три старичка-танка, которые старше родителей того же Вика-Дельфина, три БМП – их ровесницы, да пятерка шушпанцеров, чем попало ошенившихся. Над такими любят потешаться в Сети... вот только возьми ты такого сетевого вояку да поставь его в поле на пути такого вот «армадила» – вместо смеху обделается и заикаться начнет. Если выживет, конечно.

Потому что на вид-то техника неказистая, да стрелять и ездить вполне способная, так что смеяться над этим скоплением совсем не хочется.

Одно хорошо – машины стоят «холодные», значит, вот прям сейчас никуда не ринутся. Просто прячутся или ждут чего-то? Прятаться тут бессмысленно – значит, ждут. И чего же они ждут?

Да ясен-красен, ждут, что мы к этой самой Панасовой Пасике подкрепление бросим. Логично ждут. Оно, конечно, наши основные силы заняты попыткой обойти нациковский укреп, однако соседям нельзя же не помочь. А как помочь? Да с тыла на эту Пасику зайти.

Костя крутит головой. Рота ли пойдет на подмогу или как, но точно без тяжелой техники, на бэтэрах. Потому он и тут – разведать, как и что, чиста ли дорожка. Вот и разведаль. Вот они, фраера, стоят в засаде, нарисовались, хрен сотрешь. И налетят наши прямо на них.

Потому что – и это хуже всего – уже выдвинулись. Наши-то.

Завернуть их еще можно – затем его на разведку и отправили, да только если подмогу завернуть, без поддержки останутся те, кто сейчас там, где дым и сполохи, кто выкуривает злых шершней с пасеки деда Панаса.

Кажется, был на той еще Украине такой телеведущий, вечернюю сказку вел. Вроде нашей «Спокойной ночи, малыши!». Интересно, у них сейчас на телевидении есть какая-то вечерняя сказка?

Лезут же в голову такие дурацкие мысли...

Ладно, пока пусть лезут. Усмехаясь мрачновато, Костя спускается ниже, к зарослям ивняка. Негустые заросли, даже, прямо сказать, редкие, но все ж не голый склон. Должно быть, тут где-то ручеек бежит. Или просто колодец-копанка. Что-то влажное, в общем. Холмы часто «набирают воду», прямо как верблюжьи горбы. Но и это тоже – так, мысли попутные, ни о чем.

Неважно, откуда тут взялся ивняк, главное, под его прикрытием можно поближе подобраться. С полсотни метров до вражеской засады осталось. Ближе не стоит, заметят – и накроется разведка медным тазом. Ничего, мы и отсюда неплохо все разглядим. Не только машины, но и солдат, меж ними расположившихся. Солнышко железки греет, внутри и упаришься, и задохнешься, вот и сидят снаружи. Но далеко от брони не отходят. Как только будет приказ – мигом технику оседлают, и вперед. А пока ловят минуты отдыха. Камуфляж на них не такой затасканный, как у прочих всучек, и вообще, похоже, натовская «цифра», однако по виду – точно не новобранцы. Обстрелянные, умелые. Видать, только с переформирования. Это плохо. И обученные, и отдохнувшие, не вымотанные. Один в сторонку отошел, зеркальце блестит – губы, что ли, красит? Тьфу... а, нет – бреется по сухарю, без пены.

Не о том ты, Костя, думаешь.

Разведку провел, дальше что?

Можно, конечно, двинуть назад и из безопасного места своим дать координаты. Но назад – это вверх по той же круче, что сюда спускался, потом дальше, в смысле назад, еще назад... или обойти холм по склону, но что так, что эдак – сколько времени это займет? А вдруг эти улизнуть успеют? Да то бы еще полбеды, а вот если они по нашим ударят? И ведь ударят, для того тут и засели. БТР для танка не противник, а мишень...

Думал он совсем недолго. Секунд несколько. Не о чем думать-то было. Без вариантов.

Засек личные координаты и вызвал своих:

– Сосна, я Дедуля, как слышно? – говорил он тихо, хотя те, внизу, вряд ли могли его услышать.

– Дедуля, я Сосна, – отозвалась рация. – Слышим вас хорошо, сообщите...

Продиктовав координаты, он добавил:

– В полусотне метров от меня к северо-северо-востоку – бронегруппа чертей. Одиннадцать голов с танками и БМП. Пока не на парах, но бить надо сразу, как поняли?

– Вас понял, – отвечал женский голос. Костя знал эту девочку, даже имя знал, простое и нынче редкое – Маша. И глаза что-то между серым и синим. В формальном «вас понял» звучала тревога.

Нет, она не сказала ему, что надо отходить. И он не ответил, что отойти не успеет. А, черт! Те, внизу, зашевелились, побросали свои дела и начали карабкаться на броню.

– Быстрее, – поторопил он. – Они начинают греть моторы. Бейте их!

Секундное промедление... рывок из-за прикрывающего куста... и стремительный бег вниз в сторону по склону.

Заметили. От неожиданности замешкались – на секунду, на две.

Пулемет застрекотал почти сразу. Еще через несколько секунд Костю «ловили» уже двое, стрекоча дуэтом. Ч-черт! Руку обожгло болью – пустое, бежать не мешает...

Оглушительный свист... и мгновенная, тоже оглушительная, ослепительная, беспощадная тьма...

* * *

...сгоревшие, искореженные остовы бронетехники справа и слева... обгоревшие трупы бандеровцев... опущенные к земле стволы танков...

Сон? Съемки военного фильма?

И когда успела наступить ночь? Нет-нет, это не с глазами плохо и не контузия, это именно ночь, вон и звезды видны и луны кусочек, и облачко белое, очень заметное на почти черном небе.

Голова соображала не то чтобы плохо, она словно разучилась это делать. Наблюдательность – в учебке говорили, что он прирожденный разведчик, – никуда не делась, а вот собирать из разрозненных кусочков целостную картинку мозг как будто разучился. Но цепкий глаз – уже немало. Плюс звериные инстинкты – тоже из серии «прирожденный разведчик». Плюс намертво вбитые навыки. Так что пробирался Костя со всей осторожностью. Засаду размолотили знатно, но мало ли. Лучше перебдеть, чем не дойти. Пусть и не очень ясно, куда, собственно, он идет.

Плечо онемело, лицо и руки жгло, словно он в костер сунулся. И не только лицо и руки. И камуфляж уже не так чтобы камуфляж, драные почерневшие ошметки.

Чем наши накрыли бронегруппу? Явно не артой. Может, Тосочка поработала? Тоже вряд ли, после Тосочки от него самого только угольки бы остались, наверно, все-таки что-то обычное, фугасно-зажигательное.

Обрывки мыслей трепыхались, бессвязные и почерневшие, как остатки того, что несколько часов назад было хоть и потертым, но крепким и надежным камуфляжем. Боль – и от ожогов, и от простреленного плеча – тоже уплыла куда-то, отодвинулась. Осталось одно: брести, как черное привидение, неведомо куда. Опущенные стволы разбитых танков скрестились неким знаком: стой, дальше нельзя. Но больше идти было некуда, позади все полыхало, балка, где укропы прятали свою бронегруппу, превратилась в местный филиал геенны огненной.

Костя не знал, куда продвигается, – в принципе, он вообще не в состоянии был понять, что делает и зачем. Шел, припадая на правую ногу, куда глаза глядят.

Вправо? Влево? Вперед? Назад? Ночью все изменилось, как будто из одних декораций его перетасили в другие.

Где располага, из которой он утром выдвинулся?

Где та Панасова Пасика, которую разглядывал с вершины холма?

Да и где, собственно, тот холм, с которого он наблюдал?

От Панасовой Пасики сейчас осталось лишь по-детски милое название – и гигантское пепелище.

Штурмовая группа, для которой Костя разведывал «тропку», ударила по обороняющим село укропам с тыла – и приготовленная засада их не спасла, ничего от той засады не осталось. И от Пасики тоже. Сколько ни рисуй стрелочек, какие ни разрабатывай планы, боевое столкновение – это хаос. Взятое село тут же начинает обрабатывать вражеская арта, потом враг прет в контратаку, стремясь вернуть контроль над удобным укрепом...

Кладбище. Тихое, мирное сельское кладбище. Именно сюда пришлось отступить нашим из разбитого села.

Тут и атаковали их укровские морпехи – воистину, где Панасова Пасика, и где то море? – но безуспешно, всук окружили, согнав в центр кладбища, и методично добивали. Контратака укропов захлебнулась. И тогда вражеская арта ударила уже по кладбищу. Пушки детям не игрушки. И вообще не игрушки. И не пушки, а РСЗО. Наши успели отступить, а позади взлетали к небу вырванные с корнем кресты и могильные плиты, скромные памятники из котель-

ного железа, какие частенько ставили вместо крестов во времена Союза, метались диковинными вспугнутыми птицами, разлетались исторгнутые из земли истлевшие гробы...

Споткнувшись о корявый каменный обломок, Костя чуть не упал. Белый фарфоровый медальон выделялся на темном граните ярко, словно подсвеченный изнутри, но женщина с гладко зачесанными волосами глядела с него сурово. Под портретом ставят цифры и прочерк между ними... Но их не было, могильная плита раскололась прямо по датам рождения и смерти.

Небо уже посерело, звезды, такие яркие недавно, потускнели.

– Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут... – неожиданно сам для себя прошептал Костя.

И удивился. Ночь, пусть и поблекшая, пусть и впустившая в себя первые капли предрасветных сумерек, и впрямь была на изумление тиха. Привычный осточертевший гул канонады – нет, не исчез, но – отодвинулся, что ли?

Если бы он поднялся на тот самый пригорок, а еще лучше – взлетел бы ввысь степным орлом или на худой конец филином, то понял бы: превращенная в пепелище Панасова Пасика осталась ничьей. Наши отступили на прежние позиции, но и нацики после захлебнувшейся контратаки откатились в тыл зализывать раны.

Ни нашим ни вашим. Серая зона.

Если бы.

И пригорок остался неведомо где, и уж тем более Костя не мог взлететь, озирая с высот обгоревшую землю.

Да он о том и не думал. И про угодивший под ноги осколок разбитого надгробья уже забыл. Это не имело значения. Властно заявила о себе вернувшаяся вдруг боль. И – жажда. Смертельная, невыносимая жажда. Фляга! Там еще половина должна оставаться!

Но фляги на бедре не было. Была кровь.

Все, что он мог, – это продолжать брести. Неведомо зачем, неведомо куда. Как зомби. Как заводная игрушка.

Бог весть, что попало под ногу – еще один осколок еще одного надгробья, покореженный крест или просто камень – но, споткнувшись, Костя не сумел удержать равновесия.

Упал.

И покатился куда-то вниз и вбок.

Не окоп, нет. И даже не развороченная могила. Воронка. Обычная, не особенно крупная воронка.

В другой момент, даже споткнувшись, даже покотившись вниз, он сгруппировался бы автоматически – но не сейчас. Так и рухнул бесформенным кулом.

И простреленное плечо, и обожженное тело, и окровавленная нога – все вспыхнуло болью.

Он застонал, скрипнув зубами и на мгновение зажмурившись.

Да, лишь на мгновение.

Ночь понемногу отступала, но на дне воронки еще клубилась тьма. И она зашевелилась.

* * *

Адреналин способен поднять полумертвого. Но и он не всесилен. В конце концов ресурсы организма просто заканчиваются.

И ты даже пальцем шевельнуть не в силах. В спину упираются какие-то обломки – может, доски вывернутого из земли гроба, может, обломки могильной плиты, но изменить странное положение полулежачего совершенно невозможно.

Ты ничего не можешь. Только смотреть. Смотреть, как из темноты поднимается...

ВРАГ!

Пожилой, почти старик, взъерушенная форма потертая, но нашивок, любимых тербатами и им подобными, немного – значит, регуляр. Нос торчит на вытянутом сухом лице, как птичий клюв, внешние углы глаз скошены вниз, делая лицо уныло-безнадежным. И рот такой же унылый, с такими же опущенными углами, и носогубные складки смотрятся ущельями. Падающие на лоб седые космы давно не стрижены и даже, кажется, не мыты. Весь облик не то что говорил – кричал: он, враг, старый, и всю жизнь не бумажки в кабинете перекладывал, а работал тяжело, до изнурения.

Когда взъерушенный усмехнулся – криво и непонятно, обнаружилось отсутствие половины зубов, да и оставшиеся выглядели как иллюстрация к слову «кариес» на сигаретной пачке. Костя мельком удивился и тут же удивился собственной способности удивляться: до того ли сейчас?

– Так-так, – покачал головой щербатый. – Кто тут у нас, чы нэ москалик?

Подошел ближе, присел на корточки – совсем рядом.

Костины пальцы слабо шевельнулись – пусть автомат и не стреляет, но пугануть им можно. Да и в качестве дубинки годится. Вот только руки – не годились. Слабая дрожь пальцев – все, на что он сейчас был способен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.